БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ДЕНИС ДАВЫДОВ

ДЕНИС ДАВЫДОВ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
основана
М. ГОРЬКИМ

МАЛАЯ СЕРИЯ
ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

Ленинград
1959

ДЕНИС ДАВЫДОВ

СТИХОТВОРЕНИЯ

советский
писатель

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
Вл. Орлова

ДЕНИС ДАВЫДОВ

I

Человек богатой и разносторонней одаренности, Денис Давыдов оставил заметный след в русской истории и как выдающийся военный деятель, один из прославленных героев Отечественной войны 1812 года, и как серьезный военно-исторический писатель, и как талантливый, оригинальный поэт. Белинский, считавший Дениса Давыдова в числе «замечательнейших людей» начала XIX века, говорил, что он «примечателен и как поэт, и как военный писатель, и как вообще литератор, и как воин — не только по примерной храбрости и какому-то рыцарскому одушевлению, но и по таланту военачальничества, и, наконец, он примечателен и как человек, как характер. Он во всем этом знаменит, ибо во всем этом возвышается над уровнем посредственности и обыкновенности».

В народной памяти имя Дениса Давыдова связано с национально-освободительной борьбой русского народа против наполеоновского нашествия. Давыдов глубоко постиг народный харак-

тер войны 1812 года. Патриотическое воодушевление многомиллионной крестьянской массы, поднявшейся на борьбу за честь и независимость родины, подсказало Давыдову его замечательный «план партизанских действий». Накануне Бородинской битвы он выступил инициатором и стал одним из руководителей армейского партизанского движения, достигшего больших успехов и способствовавшего победоносному исходу Отечественной войны. Говоря словами Льва Толстого, «Денис Давыдов своим русским чутьем первый понял значение этого страшного орудия, которое, не спрашивая правил военного искусства, уничтожало французов, и ему принадлежит слава первого шага для узаконения этого приема войны» («Война и мир»).

Пламенное патриотическое чувство, талантливость, храбрость, предприимчивость — все эти качества, отличавшие Дениса Давыдова, в полную меру проявились в 1812 году.

Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты — боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!..

Эти стихи (Н. М. Языкова) — одно из многих свидетельств восторженного отношения современников к знаменитому партизану. Самые разные люди сходились на любви и уважении к Давыдову как национальному герою и человеку,

владевшему секретом какого-то особого обаяния. Поэты всех рангов и направлений, начиная с Пушкина, Жуковского, Вяземского, Баратынского и кончая провинциальными дилетантами, наперерыв воспевали Давыдова в хвалебных стихах. Слава о воинских подвигах Давыдова вышла далеко за пределы России: о нем писали в европейских газетах и журналах, портрет его висел в кабинете Вальтер-Скотта (с которым Давыдов был в переписке). Впоследствии Лев Толстой увековечил Давыдова в романе «Война и мир», в образе партизана Василия Денисова.

Денис Давыдов коротко рассказал о своей жизни (до 1831 года) в красноречивой автобиографии.[1] Дорожа своей громкой славой, он заботился об ее распространении и всячески старался закрепить за собою репутацию «одного из самых поэтических лиц русской армии» (говоря его же словами). В обоснование этой репутации и была написана автобиография, выданная Давыдовым за чужое произведение. Однако она не дает достаточно полного и точного представления о жизненном пути Давыдова. Художественно воссоздавая романтически окрашенный образ «воина-поэта», «старого гусара», партизана, закаленного в битвах, и «поклонника красоты во всех ее отраслях», Давыдов тщательно отбирал факты и соответственно их истолковывал. Коечто он приукрасил, кое о чем умолчал. Рассказ его необходимо дополнить и уточнить.

---

[1] Она вошла в настоящее издание.

Так, например, вскользь и очень глухо упоминает Давыдов о том, что в сентябре 1804 года он вынужден был уйти из гвардии. Между тем это событие в значительной мере предопределило всю дальнейшую судьбу Давыдова и заслуживает того, чтобы сказать о нем подробнее.

Давыдов был удален из блестящего Кавалергардского полка в порядке правительственной репрессии, носившей отчетливый политический характер. Наказание вызвано было распространением в обществе рукописных сатирических стихотворений Давыдова, квалифицированных в официальных кругах как «возмутительные». Для того чтобы уяснить смысл и значение антиправительственного выступления юного кавалергардского поручика, важно учесть некоторые дополнительные обстоятельства.

Денис Васильевич Давыдов (родившийся 16 июля 1784 года) рос и воспитывался в профессионально военной дворянской среде, жившей узкокастовыми интересами и особенно ревниво оберегавшей свои сословно-классовые привилегии. Отец Дениса Давыдова — состоятельный помещик и бригадир — принадлежал к тому поколению военных людей, которое завоевало себе прочное общественное положение в победоносных походах Румянцева и Суворова и катастрофически утратило его на рубеже XVIII—XIX веков, при Павле I. Деспот и самодур, поклонник Фридриха II, Павел варварскими способами искоренял в русской армии «суворовский дух», несовместимый с насаждавшейся им прусской

военной системой, основанной на палочной дисциплине и изнурительной плацпарадной шагистике. В первые же дни царствования он сместил большинство старых заслуженных командиров с богатым боевым прошлым, заменив их своими любимцами из собственных «гатчинских» войск. Общее число уволенных и ушедших из гвардии и армии генералов и офицеров за три года царствования Павла достигло 12 тысяч человек.

Деспотизм Павла восстановил против него значительную часть кадрового офицерства и гвардейской молодежи. В резко изменившейся обстановке общественно-политического и военного быта люди этого круга, хотя и были зажаты в тиски гатчинского режима, не мирились с абсолютистским произволом Павла и продолжали жить иллюзиями «великого осьмнадцатого столетия» — века дворянского процветания, гвардейских «вольностей» и фаворитизма, упрочившегося в условиях женских царствований. Воодушевленные суворовскими традициями, они открыто враждебно относились к прусской военной системе и ненавидели Павла I как тирана и узурпатора.

На почве подобных настроений сложилась военно-дворянская фронда 1790—1800-х годов, резервы которой пополнялись по преимуществу из рядов гвардейской молодежи. Революционного значения эта фронда, конечно, не имела. Отражая противоречие интересов, обнаружившееся внутри господствующего помещичьего

класса, она знаменовала всего лишь конфликт, возникший между аристократическим дворянством и примыкавшими к нему более широкими дворянскими кругами, с одной стороны, и осуществлявшим невыгодную этим дворянам политику «самовластительным злодеем» Павлом I, с другой стороны.

Молодой Денис Давыдов вращался в этом кругу и целиком разделял его интересы. Отца его постигла судьба, характерная для многих заслуженных офицеров русской армии, пострадавших при Павле. В 1798 году он оказался замешанным в раскрытое по доносу политическое дело «смоленских заговорщиков», руководящую роль среди которых играли его родственники А. М. Каховский и А. П. Ермолов. Это обстоятельство повлияло на дальнейшую судьбу В. Д. Давыдова: в том же 1798 году он был осужден (кажется, несправедливо) в связи с хищениями, обнаруженными в его полку, и имение его было взято в казну. Старинная дворянская семья Давыдовых впала в настоящую нищету. Естественно, что и молодой Денис ощущал себя жертвой «тирана» и с ненавистью относился к «гатчинцам», к «пруссачеству».

В ночь на 12 марта 1801 года дворянские заговорщики задушили Павла I. Заговор, как известно, возник по инициативе крупнопоместного дворянства, недовольного внешней политикой Павла — разрывом с Англией и сближением с наполеоновской Францией. К делу устранения неугодного крепостникам монарха были привле-

чены в качестве непосредственных исполнителей офицеры гвардейских полков. Денис Давыдов не имел прямого отношения к этому дворцовому перевороту, но был теснейшим образом связан с целым рядом его участников.

Переворот, совершенный силами военно-дворянской фронды, не принес ей ожидавшихся ею результатов. В особенно невыгодном положении очутилась гвардейская молодежь, надежды которой на возвращение «златого века» дворянских «вольностей» не осуществились. Едва улеглись первые восторги по поводу устранения Павла, как эта молодежь убедилась, что гатчинский режим (правда, в несколько иных формах) восторжествовал с новой силой. Александр I, как и его отец, был ревностным поклонником прусской военной системы. Суворовские традиции попрежнему оставались в забвении, в армии царила фрунтомания, ученики Суворова — Кутузов и Багратион — не пользовались расположением царя, так как были решительными противниками прусской системы.

В условиях нового царствования оппозиционные настроения отдельных групп дворянства сохраняли свою актуальность. Н. Греч, вспоминая годы «александровской весны», писал: «Нельзя сказать, чтоб и тогда были довольны настоящим порядком дел... Порицания проявлялись в рукописных стихотворениях. Самое сильное из этих стихотворений было «Орлица, Турухтан и Тетерев», написанное не помню кем».

Названное Гречем стихотворение, сохранив-

шееся во многих современных списках, с большими основаниями считается принадлежащим перу Дениса Давыдова и является своего рода программным документом дворянской оппозиции, свидетельствующим об устойчивости ее настроений. В этой басне нашли отражение и воспоминания о «златом веке» Екатерины («Орлица»), и негодование на тиранию Павла («Турухтан»), и обманутые надежды на возвращение «златого века» при Александре («Тетерев»), обещавшем в манифесте править «по законам и по сердцу возлюбленной бабки», но не сдержавшем своих обещаний. Вывод, к которому пришел поэт, довольно радикален: лучше всего «не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов».

Еще более откровенными были другие политические басни Давыдова — «Голова и Ноги» и «Река и Зеркало», написанные в 1803 году и широко распространявшиеся конспиративным путем и в устной передаче (напечатаны они были только в 1869 и 1872 годах, и то с цензурными урезками и переправками). Басню «Голова и Ноги» декабристы называли в числе других «вольных» сочинений, «дышащих свободою» и «способствовавших развитию либеральных понятий». Здесь, в частности, содержится недвусмысленное предупреждение по адресу Александра I, что можно «его величество об камень расшибить». В сатире «Сон», написанной тогда же, Давыдов задел ряд видных представителей придворной знати.

В дальнейшем Давыдов уже ни разу не под-

нимался до таких острых и прямолинейных политических разоблачений, как в ранних баснях. Но известный налет фрондерства остался на нем до конца и своеобразно окрасил как все его литературное творчество, так и всю его дальнейшую военную деятельность. Нужно сказать, что и судьба, постигшая Давыдова, способствовала устойчивости его позиции. Удаление из гвардии (после весьма строгих внушений) нанесло сильный удар его военной карьере. С тех пор в правительственных, придворных и высших военных кругах за Давыдовым установилась репутация вольнодумца, человека политически неблагонадежного и даже опасного.

Между тем для подобной репутации не было достаточных оснований. Давыдов быстро изжил свое юношеское вольномыслие, столь отчётливо проявившееся в его политических баснях. С дворянскими революционерами — будущими декабристами он не нашел общего языка.

В конце 1810-х годов Давыдов очутился в атмосфере декабристских влияний (в частности, заинтересовался ланкастерскими школами, которые будущие декабристы устраивали для солдат, и сам принял некоторое участие в этом деле). Впоследствии он также поддерживал тесное общение со многими видными деятелями тайных обществ. Однако, по собственному его признанию, «находясь всегда в весьма коротких отношениях» с будущими декабристами, он не захотел быть посвященным в их «тайны» и, несмотря на многократные «покушения» своего двоюрод-

ного брата — известного декабриста В. Л. Давыдова, — наотрез отказался вступить в тайное общество.

К политическим планам и проектам декабристов Денис Давыдов относился скептически. Ему, очевидно, была хорошо известна программа «Ордена русских рыцарей» — ранней декабристской организации, учрежденной М. А. Дмитриевым-Мамоновым и М. Ф. Орловым. В 1819 году, в письме к П. Д. Киселеву, он следующим образом изложил свое мнение по вопросу о переустройстве русской жизни на новых началах:

«Да простит мне Михаил идеолог <М. Ф. Орлов>. Скучное время пришло для нашего брата солдата: что мне до конституционных прений! Признаюсь в эгоизме. Ежели бы я не владел саблею, и я, может быть, искал бы поприща свободы, как и другой; но, обнажив ее раз с тем, чтобы никогда не выпускать из руки, я знаю, что и при свободном правлении я буду рабом, ибо все буду солдатом. Двадцать лет идя одной дорогой, я могу служить проводником по ней, тогда как по другой я слепец, которому нужно будет схватиться за пояс другого, чтобы идти безопасно. Мне жалок Орлов с его заблуждением, вредным ему и бесполезным обществу; я ему говорил и говорю, что он болтовнею своею воздвигнет только преграды в службе своей, которою он мог быть истинно полезен отечеству. Как он ни дюж, а ни ему, ни бешеному Мамонову не стряхнуть абсолютизма в России. Этот домовой долго еще будет давить

ее, тем свободнее, что, расслабясь ночною грезою, она сама не хочет шевелиться, не только привстать разом... Я представляю себе свободное правление, как крепость у моря, которую нельзя взять блокадою, приступом — много стóит... Но рано или поздно поведем осаду и возьмем ее осадою... пока наконец войдем в крепость и раздробим монумент Аракчеева... Но Орлов об осаде и знать не хочет; он идет к крепости по чистому месту, думая, что за ним вся Россия двигается, а выходит, что он да бешеный Мамонов, как Ахилл и Патрокл (которые вдвоем хотели взять Трою), предприняли приступ».

Ясно выраженное в этом письме неверие Давыдова в ближайшие перспективы освободительного движения и в реальность политических проектов декабристов уживалось в нем с безусловным осуждением реакционного режима аракчеевщины и вопиющих беззаконий крепостнического «правопорядка». В другом письме к тому же корреспонденту, в том же 1819 году, он выражал свое негодование по адресу корыстных и раболепных людей, для которых «слова отечество, общественная польза, жертва честолюбия и жизни... известны были только в отношении власти, от которой они ждали кусок эмали или несколько тысяч белых негров».

Военно-дворянская фронда, потерпев крушение в начале 1800-х годов, не распалась окончательно, но продолжала свое существование — в иных уже формах — вплоть до сороковых годов. Ока-

завшись разоруженной в сфере сколько-нибудь активной политической деятельности, она сохранила свои позиции в отношении военной бюрократии александровской и николаевской эпохи. Воодушевленные суворовскими традициями, с огромной силой ожившими в атмосфере патриотического подъема в период военных кампаний 1805—1815 годов, наиболее передовые и честные из боевых офицеров русской армии не мирились с палочным режимом, плацпарадной фрунтоманией и глубочайшим невежеством военного руководства, насаждавшимися царизмом. Объединенные ненавистью к аракчеевщине и «пруссачеству», они составляли сплоченную группу — так называемую «русскую партию» — вокруг замечательных полководцев и выдающихся генералов суворовской школы — Кутузова, Багратиона, Милорадовича, Раевского, Кульнева, Ермолова.

Денис Давыдов был одним из виднейших и наиболее ярких представителей этой группы, ее «идеологом», трибуном и поэтом. В своих стихах, военно-мемуарных и военно-теоретических сочинениях он резко критиковал аракчеевщину и тем самым разоблачал некоторые существенные стороны современной ему действительности. Преувеличивать меру и глубину этого разоблачения не следует: Давыдов расходился с политикой самодержавия лишь по отдельным вопросам. Но вне учета этой фрондерской установки Давыдова невозможно составить полное и точное представление о том единственном в своем роде явлении в русской поэзии начала XIX века, ко-

торое всецело связано с его именем и которое он сам называл «гусарщиной».

Переведенный из гвардии в армейский гусарский полк, Давыдов очутился в атмосфере «гусарства», представлявшего собою одно из характернейших бытовых и психологических явлений эпохи 1800—1810-х годов, по свидетельству современника (П. А. Вяземского), «оставившей в умах следы отваги и какого-то почти своевольного казачества в понятиях и нравах». Не следует представлять себе «гусарство» только как бездумное и бесшабашное «молодечество» «золотой» дворянской молодежи. Оно зачастую служило своеобразной формой протеста против всяческой мертвящей казенщины. Не случайно «гусарство», хотя бы и выражалось оно подчас в пустом озорстве, неизменно вызывало гнев Александра I как проявление офицерского своевольства, не терпимого в обстановке строжайшего регламента и субординации.

«Гусарство» накладывало особый отпечаток не только на поведение, но и на сознание военной молодежи. Самое понятие «гусарство» вызывало целый круг ассоциаций, прочно закрепленных в восприятии современников как некий неписанный кодекс житейских правил. Наряду с «молодечеством» и эффектным позерством, составлявшими внешнюю сторону «гусарства», оно воспитывало в человеке и совершенно иные — благородные — свойства: личную отвагу, презрение к опасности, предприимчивость, прямодушие, чувство товарищеской солидарности. Конечно, большинство

гусарской «вольницы» составляли такие типы, как воспетый Давыдовым гуляка Бурцов. Но вместе с тем были люди, которые вкладывали в понятие «гусарство» существенно иное содержание.

Денис Давыдов принадлежал к числу этих людей. Для него «гусарство» служило прежде всего поэтической темой, а не правилом житейского поведения. Он не был Бурцовым, не был ни кутилой, ни дебоширом, ни дуэлянтом. Однако при всем том «гусарство» в своих лучших чертах отразилось в личности Давыдова, окрасило его творчество и, наконец, сказалось в практике его военной деятельности, которая также — вся целиком — была проникнута духом протеста против официальной военно-бюрократической системы.

«Партизанские поиски» Давыдова в 1812 году являлись прямым вызовом «чиновникам главной квартиры», «бездарным невеждам, истым любителям изящной ремешковой службы», как называл Давыдов штабных генералов и военных советников Александра I.

В своем «Дневнике партизанских действий 1812 года» и в других военно-мемуарных очерках Давыдов всячески поэтизировал «неугомонную, залетную жизнь партизанскую» — «кочевье на соломе под крышею неба», «вседневную встречу со смертью». В обрисованном им типе «истинного партизана» оттенены характерные черты «гусарства». «Это поприще, исполненное поэзии, требует игривого и пламенного вообра-

жения, врожденной страсти к смелым предприятиям и не довольствуется лишь хладнокровным мужеством», — писал Давыдов. «Но одна предприимчивость не достаточна», — добавлял он: партизан «должен уметь сочетать в себе неустрашимость, бодрость юноши с опытностью старца». Иными словами, партизан — это тот же лихой «гусар», беззаветно храбрый и пылкий, но повзрослевший, отказавшийся на войне от легкомысленного «молодечества», умеряющий свою лихость благоразумием и сознанием ответственности за свое дело.

Оппозиционные настроения офицеров-партизан, их открытое презрение к официальной военной системе учитывались высшим начальством. Кроме того, имелось еще одно важное обстоятельство, предопределившее настороженное отношение к партизанам со стороны начальства. Командиры партизанских отрядов широко пользовались помощью крестьянства и нередко выступали в роли организаторов народного партизанского движения. Именно так поступал Денис Давыдов, распространявший среди крестьян воззвания о поголовном ополчении. Правительство же боялось любого широкого народного движения, какой бы характер оно ни носило. При таких обстоятельствах и армейские партизанские отряды, начальники которых полагали одной из главных своих задач вооружение крепостного крестьянства и организацию народной войны, рассматривались в правительственных кругах как необходимая, но опасная затея.

Характерно в этом смысле, что сам Денис Давыдов допускал определенные политические намеки в своей характеристике партизанского движения 1812 года. Рассказывая впоследствии о своих первых шагах на этом поприще, он записал (в первоначальной редакции «Дневника партизанских действий»): «Так, полагаю я, начинал Пугачев, но с намерением противоположным». Затем эта фраза была переделана: «Так, полагаю я, начинал Ермак... но сражавшийся для тирана, а не за отечество». Но в печати и этот смягченный вариант был устранен по требованию цензуры. Все это сказалось на отношении к партизанам военных бюрократов. Идея партизанской «малой войны», выдвинутая Давыдовым, подсказанная всенародным патриотическим подъемом и поддержанная Кутузовым, не только не встречала сочувствия у многих «чиновников главной квартиры», но вызывала обидные насмешки по адресу Давыдова. В дальнейшем подвиги Давыдова и других прославленных партизан 1812 года (Фигнера, Сеславина) не находили должного официального признания и всячески преуменьшались, иногда вовсе замалчивались. В 1825 году Давыдов с горечью писал о «шипении раздраженной посредственности, столь давно преследующей наших партизанов».

Сам он болезненно ощущал себя человеком обиженным и обойденным по службе. Так оно и было на самом деле: в официальных сферах репутация его по-прежнему стояла невысоко. Запомнились вспышки юношеского вольнодум-

ства, а главную роль играла при этом коренная принадлежность Давыдова к «ермоловскому» кругу. Генерал А. П. Ермолов — герой Бородина и Кульма, а с 1816 года «проконсул Кавказа» в должности командира Отдельного Кавказского корпуса — был знаменем военной оппозиции 1810—1820-х годов. Давыдов, дружески и родственно связанный с Ермоловым (они были двоюродные братья), принадлежал к числу наиболее восторженных его поклонников. Ермолов в свою очередь всячески покровительствовал Давыдову, ценил его «ум и пылкость» и с похвалою отзывался о его «остротою и замысловатостью оригинальных» стихотворениях.

До конца дней Давыдов не мирился с аракчеевскими порядками в армии, с палаческим режимом, с «глубоким изучением ремешков и правил вытягивания носков, равнения шеренг и выделывания ружейных приемов». В 1820 году, освободившись от ненавистной ему «душной должности» начальника штаба пехотного корпуса, он писал: «Наконец я свободен: учебный шаг, ружейные приемы, стойка, размер пуговиц изгоняются из головы моей! .. Слава богу, я свободен! Едва не задохся». Верный суворовским традициям, Давыдов с любовью и уважением относился к солдату. Зверства аракчеевцев вызывали в нем чувство горячего возмущения; об одном из них он писал: «Что сей последний делает, это описать нельзя! .. Людей ест! .. Право, волос дыбом становится, как подумаешь о несчастных, ему пожертвованных».

Один из образованнейших офицеров русской армии, Давыдов разоблачал и высмеивал бездарное военное руководство, невежественных «героев» плацпарадных учений, «в коих убито стремление к образованию». Сам он беспрерывно и усердно пополнял свои знания: в 1819 году, например, он выписал «на тысячу рублей книг» и изучал не только курс фортификации, но и политическую экономию и юриспруденцию.

Давыдов обвинял правительство в «безмыслии», в непонимании «истинных требований века», в затрате огромных средств на развитие негодной системы военного образования. Он «не мог простить», что «родимые войска наши закованы в кандалы германизма». Он скорбел о «старых, но несравненно более светлых понятиях» и выражал опасения, что ему уже не удастся увидеть «эпоху возрождения России».

Военная бюрократия упорно и последовательно мстила Давыдову за его ненависть к ней. Летопись военной службы Давыдова есть, по существу, летопись непрерывных обид и утеснений, чинившихся ему со стороны высшего начальства. Подводя итоги своей жизни, он имел полное право сказать, что «в течение сорокалетнего, довольно блистательного военного поприща был сто раз обойден, часто притесняем и гоним людьми бездарными, невежественными и часто зловредными. . .» Несправедливости по отношению к Давыдову доходили до того, что в 1814 году его разжаловали было из генералов опять в полковники как произведенного «по ошибке».

А георгиевского креста ему не давали до тех пор, пока он сам не указал, что крест обязаны дать ему по статуту.

После Отечественной войны Давыдов прозябал в провинции на мизерных, незаметных должностях. В письмах к друзьям он горько жаловался на «одинаковость» хода своей жизни, на «неудовольствия и притеснения за верную свою службу». Шли годы, товарищи Давыдова, с кем начинал он военную жизнь, делали большие карьеры, а он все оставался в генерал-майорском чине, и даже не на вторых, а на десятых ролях. Он забрасывал своих выслужившихся друзей напоминаниями о производстве и просьбами о назначении на должность, достойную его «славы».

Но ни одно из представлений Ермолова, желавшего определить Давыдова начальником пограничной Кавказской линии, где он мог бы широко развернуть свое военное дарование, не увенчалось успехом: при дворе о прославленном партизане держались «прежних невыгодных мыслей», и в конце концов Ермолову, по его же словам, «было отказано таким образом, что он и рта не мог более разинуть». «Проклятое мое остроумие и стихотворчество много мне повредили в мнении людей сухой души и тяжкого рассудка», — говорил сам Денис Васильевич. У жандармов Давыдов по-прежнему находился в подозрении по части политической благонадежности; дело доходило до того, что к нему подсылали профессиональных шпионов.

В конце 1823 года Давыдов вынужден был уйти в отставку — «надеть фрак» и «сбрить усы». Событие это он переживал очень тяжело: «Неужели вечный приговор мой уже подписан! Неужто не явлюсь еще в полях, войной гремящих!» — восклицал он в письме к приятелю.

При Николае I «ермоловцы» попали в открытую опалу. И хотя впоследствии, в результате настойчивых и унизительных для него просьб, Давыдов был дважды допущен к участию в персидской и польской кампаниях 1826 и 1831 годов, — военная карьера его, по существу, оборвалась в самом зените. Вернувшись из Польши, он уже навсегда «распоясался и повесил шашку свою на стену». В этом смысле Давыдов, не будучи идейно связан с декабристами, разделил судьбу многих лиц, причастных к декабристскому движению; он фактически сошел со сцены вместе с ними.

Отторгнутый от службы, Давыдов поселился в полученном за женою симбирском поместье Верхняя Маза, изредка навещая Москву, Петербург, Пензу, Симбирск. В деревне он был занят хозяйством, литературной работой, воспитанием детей и сентиментальным романом с юной девушкой. Разбогатевший помещик, он быстро ассимилируется в «кондовой» помещичьей среде, «нежится в своем уединении» и недоумевает: «...где это честолюбие девалось, черт знает! Ничего не хочу, кроме спокойствия... Жена да дети — пища духовная, а для лаком-

ства — книги, бумаги, перо и чернила, охота псовая и ястребиная. . .».

В отставке Давыдов «пустился в военные записки» («Не позволяют драться, я принялся описывать, как дрались») и снова, после длительного перерыва, стал писать стихи. В положении обойденного и обиженного человека с глубоко раненным самолюбием он находит для себя две богатые темы, которые и разрабатывает в своих военно-мемуарных очерках, а отчасти и в стихах. Это, во-первых, «воспоминания эпических наших войн, опасностей, славы» и, во-вторых, «злоба на гонителей или на сгонителей с поля битв на пашню». «От всего этого сердце бьется сильнее, кровь быстрее течет, воображенье воспламеняется, — и я опять поэт!» — пишет он П. А. Вяземскому в 1829 году.

Перо свое Давыдов напояет ядом иронии и сарказма по адресу «героев» плацпарада. Он полон презрения к жалкой современности, «исключительно коснеющей в тесной, себялюбивой расчетливости». Этой современности он противопоставляет «бурный, дивный век, громкий, величавый» — эпоху войн с Наполеоном, «коей слава есть собственность России». Себя самого он рассматривает как одного из тех людей, кто «ознаменовал сию великую эпоху» и кого новые «герои» «стараются предать забвению».

Военные записки Дениса Давыдова представляют большой интерес не только исторический, но и собственно литературный, рекомендуя Давыдова как выдающегося мастера прозаиче-

ского стиля. Он выработал самобытную — остроумную, живую, или, как говорили его современники, «огненную» манеру письма, связанную, впрочем, с национальной традицией русской военной литературы («Наука побеждать» Суворова, приказы Кульнева и Ермолова). Автобиография Давыдова может служить характерным образцом его прозаического стиля. Белинский утверждал, что военно-мемуарные очерки Давыдова дают ему «полное право стоять наряду с лучшими прозаиками русской литературы».

В тридцатые годы Давыдов, с самого начала принявший позу поэта-дилетанта, «не ищущего авторского имени», тесно сближается с профессиональными литературными кругами, активно сотрудничает в периодической печати, издает в 1832 году сборник стихотворений, готовит полное издание своих военных записок.

Ближайшее дружеское и литературное окружение Давыдова в эту пору составляют старые «арзамасцы» (он был избран в литературное «Арзамасское общество» в 1816 году) — Вяземский, Жуковский, Пушкин, и писатели, примыкавшие к ним, — Баратынский, Языков. В обстановке развернувшейся борьбы Пушкина и его соратников с литературой реакционного мещанства (с Булгариным и др.) Давыдов занял место в ряду сотрудников «Литературной газеты» и «Современника». В 1836 году он проявлял живую заботу о журнальных делах Пушкина. «Накопляется ли журнал Пушкина? — запрашивает он Вяземского. — Я еще пишу статью...

Пора нам отделаться от ярыжников-литераторов и составить свое общество».

Под конец жизни у Давыдова остались одни воспоминания об эпохе 1812 года, в которую он, говоря его словами, навсегда «врубил свое имя». «Два утра просидел я с Денисом Давыдовым, который стареет ужасно и живет в прошедшем или, лучше сказать, в одном: 1812 годе и Наполеоне», — писал в 1838 году один из его собеседников.

Вскоре, 22 апреля 1839 года, еще не старым человеком, на пятьдесят пятом году жизни, Денис Давыдов, избежавший смерти в десятках сражений, умер от удара.

2

Поэзия Дениса Давыдова проникнута столь свойственным ему духом фрондерства и протеста против окружавшей поэта душной и серой действительности. Протест этот выразился в стихах Давыдова (исключая его ранние басни) не в форме прямого политического разоблачения, но в самом содержании образа лирического героя, который всеми чертами своего характера противостоит людям «сухой души и тяжкого рассудка».

Задача построения образа лирического героя была для Давыдова главной, если не единственной творческой проблемой. Успешным решением этой задачи в первую очередь и обусловлена высокая оригинальность его творчества. Давы-

дову удалось создать совершенно самобытный, яркий и конкретный образ «певца-героя», поэта-воина, лихого гусара и отважного партизана. Образ этот автобиографичен и автопортретен,— не в том смысле, что в нем как в зеркале отразился реальный Д. В. Давыдов, жизнь которого прошла, как мы видели, не так уж легко и привольно, но в том смысле, что поэт художественными средствами создавал образ и характер героя, в соответственном духе *истолковывая* свою красочную биографию.

Еще Белинский справедливо заметил, что для Давыдова «жизнь была поэзией, а поэзия — жизнью». Он сделал себя самого единственным персонажем своих стихов. Все они глубоко личны по тону и объединяются в единый, цельный лирический цикл, воспринимающийся как интимный «дневник жизни» человека, имеющего право называться «одним из самых поэтических лиц русской армии».

Созданный Давыдовым образ «певца-героя» был настолько ярок и конкретен, что стал в восприятии современников неотделимым от реального образа самого Д. В. Давыдова. Именно поэтому он был так многократно дублирован в стихах, посвященных Давыдову. Поэты всячески дополняли и развивали этот образ и, говоря о Давыдове, невольно перенимали его поэтическую манеру. Ни один другой русский писатель начала XIX века не вызвал столько стихотворных к себе обращений, как Давыдов, и все эти обращения свидетельствуют об опре-

деленном аспекте восприятия Давыдова его современниками. Антология посвященных Давыдову стихотворений, собранная в настоящем издании, служит естественным и необходимым добавлением к его собственным стихам: она воспроизводит все тот же цельный, законченный образ «певца-героя», «Анакреона под дуломаном», с устойчивыми портретными чертами («усач», «черноусый молодец», «бородинский бородач», «боец чернокудрявый с белым локоном на лбу» и т. д.).

Созданный Давыдовым характер не оставался в его творчестве неизменным, но постепенно расширялся и обогащался в своем психологическом содержании. Если рассматривать стихи Давыдова как «дневник жизни» его лирического героя, можно без труда выделить в этом дневнике отдельные «главы», в известной мере соответствующие этапам реальной биографии самого Д. В. Давыдова.

Первую «главу» составляют ранние гусарские стихи и песни Давыдова, в которых образ лирического героя тщательно разработан в духе «гусарства». Вторую «главу» составляют стихи 1820—1830-х годов, в которых герой выступает уже в существенно ином обличье и в иной роли: это — заслуженный и постаревший воин, отторгнутый от живого дела, преисполненный негодования на «жалкую» современность и сводящий с нею счеты в форме воспоминаний о своем лучшем прошлом.

В «залетных» посланиях к Бурцову и в дру-

гих ранних стихах Давыдова запечатлен живописный и обобщенный образ «гусара» — лихого рубаки на «ухарском коне», «ёры и забияки», но вместе с тем неизменно честного, искреннего и прямодушного, чуждого пошлости, лицемерия, ханжества, низкопоклонства и условностей светского общежития:

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зеркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса...
...Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса...

. . . .

Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,
Пожалеем нашу грудь
И в несчастьи оробеем...

В этом образе лихого гусара резко подчеркнуты черты пламенного патриота, с беззаветным мужеством, не жалея жизни, защищающего родину от врага:

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!..

Патриотическая тема борьбы за родину расширяет смысл и значение «гусарских» стихов и песен Давыдова, выводит их за пределы узко интимной лирики на темы «гусарского веселья»:

Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;
Друг твой в поле появится,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..

Не подлежит сомнению, что эти лучшие, благородные черты характера лирического героя стихов Давыдова были предопределены его глубоким переживанием патриотического воодушевления и героического подъема русского народа, с такой могучей и впечатляющей силой проявившихся в 1812 году.

Денис Давыдов «составил, так сказать, особенный род военной песни, в которой язык и краски ему одному принадлежат», — писал кри-

тик двадцатых годов (П. А. Плетнев). Действительно, ранние гусарские стихи Давыдова были совершенно новым явлением в русской литературе. Они не только ничем не напоминали обычную батальную поэзию, но в корне противоречили всем ее узаконенным нормам и установившимся традициям.

Давыдов в своих гусарских стихах игнорировал батальную тему в ее чистом виде, исторически прикрепленную к «высоким» жанрам торжественной военно-патриотической оды и героической эпопеи, которые в условно приподнятом, декламационном стиле и в традиционных мифологизированных образах прославляли сражения и походы, подвиги «героев» — царей и полководцев.

Крупнейшими памятниками батальной поэзии XVIII века были оды Ломоносова и Державина и «Россиада» Хераскова. К началу XIX века военно-патриотическая ода и героическая эпопея стали уже достоянием по преимуществу третьеразрядных поэтов державинской школы. Представители нового литературного поколения — карамзинисты, как правило, не касались военных тем в своем творчестве (элегии и баллады Батюшкова, связанные с темами войны, и стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов» относятся к более позднему времени). В самом начале XIX века один Денис Давыдов продолжил линию русской военной поэзии, но продолжил ее уже в новом направлении, решительно порвав с ее жанровыми и

стилевыми традициями, закрепленными в практике одописцев XVIII века и их подражателей.

Раннее творчество Давыдова, конечно, было преемственно связано с поэзией предшествовавшей эпохи, но источником этой связи служили не высокие одические жанры, а «домашняя» интимная лирика XVIII века, лучшими образцами которой служат «анакреонтические песни» Державина и «горацианские» стихи Капниста. От парадно-декламационного стиля и закостенелых стиховых форм классицизма Давыдов отошел очень далеко. Единственное его стихотворение, выполненное в одических тонах, представляет собою *пародию* на «высокую», классическую военную оду. Это — стихотворение о Кульневе, в котором батальная тема разработана в комическом плане, как бы вывернута наизнанку:

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед...

Батальный материал как таковой (описания сражений и походов и т. п.) привлекался Давыдовым крайне скупо и исключительно в бегло выписанных деталях, нужных ему для обрисовки фона, на котором развертывалась бытовая или лирическая тема. В этом и заключался секрет

творческой самобытности Давыдова, неповторимости его языка и красок. Суть дела в том, что стихи Давыдова — это не столько стихи о войне, сколько *стихи военного человека,* раскрывающие мир его чувств и переживаний на присущем ему одному языке, крайне непринужденном и чуждом поэтических условностей.

Этим, в первую очередь, объясняется шумный успех «залетных посланий» и «зачашных песен» Давыдова, в которых впервые в русской поэзии в легкой «гусарской» манере и с редким эмоциональным воодушевлением была разработана тема военного быта, со всеми ее красочными аксессуарами — трубкой, пуншевыми стаканами, саблей, «ухарским конем» и «любезными усами».

Гусарские стихи Давыдова положили начало его литературной известности. Они пользовались в течение долгого времени огромной популярностью, особенно в военной среде, расходились в списках по всей России (напечатаны они были только в 1832 году). «Кто в молодые годы не повторял стихов Давыдова, кто не списывал этих удалых стихов в одну заветную тетрадку? — вспоминал впоследствии один из современников. — Стихи Давыдова пленяли почти все наше военное поколение... Кто из молодых людей двадцатых годов не воображал себя Бурцовым?»

Стихи эти не предназначались для печати и пользовались, говоря словами Давыдова, «рукописною или карманною славою». Это была поэзия домашняя, «распашная», не отвечающая узаконенным нормам книжной поэтики и стили-

стическим канонам. В этой области у Давыдова были свои предшественники — вроде гвардейского сатирика и острослова С. Н. Марина, песни, эпиграммы и пародии которого, примечательные своим «распашным», шутливым слогом, также пользовались в свое время известностью, но в печать не попадали. И, кроме Марина, в конце XVIII — начале XIX века имелось немало стихотворцев-дилетантов (имена их в большинстве не сохранились для потомства), писавших стихи «для друзей» и не претендовавших на успех в высоких литературных сферах.

Историко-литературное значение ранних стихов Давыдова заключается в том, что они, благодаря незаурядной талантливости автора и особенно благодаря тому, что в них был дан художественно цельный, типический и обобщенный образ храбреца-гусара, стали явлением не только быта, но и литературы. Эта линия гусарской поэзии так и не получила дальнейшего развития в книжной поэзии двадцатых— тридцатых годов, оставшись достоянием безыменных дилетантов, на все лады варьировавших в давыдовской манере найденную им тему (из профессиональных поэтов в этом направлении работал лишь один Н. Неведомский, справедливо заслуживший славу графомана, и отчасти поэт 1830-х годов К. Бахтурин).

На основных путях русской поэзии Денис Давыдов явился не только подлинным создателем жанра гусарской лирики, но и, по существу, единственным его представителем. Он действи-

тельно сумел найти для него неповторимые язык и краски. Усвоить манеру Давыдова не составляло труда только для заурядного эпигона, в порядке примитивного подражания. В этом отношении характерна неудача Батюшкова, попытавшегося по-своему разработать гусарскую тему в известном стихотворении «Разлука» («Гусар, на саблю опираясь...», 1812—1813 годы), в котором «давыдовская» тема совершенно растворилась в типичной сентиментально-элегической интонации и традиционно-поэтическом словаре. Пушкин очень верно заметил по поводу этого стихотворения: «Цирлих-манирлих, с Д. Давыдовым не должно и спорить».

Характером образа лирического героя объясняются все типические особенности стиля и поэтики Дениса Давыдова. Он предельно индивидуализировал свой стих, присвоив ему «резкие черты неподражаемого слога» (слова Пушкина, сказанные по поводу прозы Давыдова, но отлично характеризующие и его стихи).

Оставаясь всецело в пределах «младших» жанров, занимавших центральное положение в стиховой системе поэтов-карамзинистов, Давыдов в то же время отступал от установленных ими строгих законов упорядоченности словаря и образов. Опираясь, в противовес языковым и стилевым принципам карамзинистов, на бытовое просторечие, широко пользуясь материалом военно-профессионального языка и солдатского фольклора, Давыдов выработал совер-

шенно особый грубовато-откровенный «гусарский» жаргон и живую, эмоциональную, разговорную интонацию, сообщившие его стихам особую непринужденность и темпераментность:

Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день! ..

Ради бога, трубку дай! ..

По чарке, да на конь, без холи и затеев...

Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова! ..

Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет...

Давыдов легко и свободно переносил военные образы и «гусарский» жаргон на другие понятия и предметы, благодаря чему они также приобретали специфически «гусарский» колорит. Так, например, ему ничего не стоило сказать в стихах на любовную тему: «Ратификации трактату моему я с нетерпеньем жду...», или «Все ваши клятвы век любить — ему послал по эстафете».

Для Давыдова не существовало принципиальной разницы между «высокими» и «низкими» словами, поскольку и те и другие свободно объединялись в непринужденной речевой манере его героя. В стихах Давыдова в изобилии встречаются такие «низкие» слова и выражения, немыслимые у любого поэта-карамзиниста, как: горло драли, качай-валяй, красно-сизые носы, свинья-свиньею, зюзя, девки, щи, затяжка, потеет, пузо, оттычка, глотка, пуп, шиш, чёс, тошно, обомлел, рыло, таска, хрыч и т. д. (в сборнике своих стихов Давыдов даже вынужден был заменить иные слова многоточиями). Характерно, что намеренное обращение Давыдова к простонародному словарю вызвало раздраженный отклик такого ортодоксального блюстителя карамзинистского вкуса, как А. И. Тургенев, который возмущался «подлостью давыдовского слога».

В иных случаях Давыдов достигал полного эффекта «гусарского» просторечия, как, например, в стихотворении «Решительный вечер», зачин которого намечает традиционное и «высокое» развитие элегической темы:

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною...

Но вслед за тем применен излюбленный Давыдовым прием неожиданного и резкого «снижения тона»:

иль абшид на покой.
А завтра — черт возьми! — как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу...

На эффекте этого приема построен мадригал «NN»:

Вошла — как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива...
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

Другой выразительный пример — стихотворение «Я вас люблю...», элегический тон которого совершенно стирается заключительной строфой:

На право вас любить не прибегу к пашпо́рту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

Наряду с гусарскими песнями Давыдов, сочетавший, по словам Вяземского, «песнь бивака» с «песнью нежною», писал любовные элегии. Современная критика делила его творчество на два «рода» — «гусарский» и «нежный», различала в его поэзии «дух совершенно различных певцов». С этим можно согласиться только отчасти, потому что в своем раннем элегическом

цикле Давыдов настойчиво стремился обновить жанр любовной элегии в том же духе «гусарщины». Любовь, равно как воинские подвиги и кутежи, органически входила в состав лирической автобиографии «певца-героя»:

О Лиза! сколько раз на марсовых полях,
Среди грозы боев я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как бога, призывал
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною!..

Элегии Давыдова столь же личны по тону, как и его «гусарщина», и это также наложило на них печать известной самобытности, во многом отличающей их от элегической лирики Батюшкова, Жуковского и бесчисленных их подражателей. Образ героя-автора, в сочетании с эмоциональной интонацией «лирической исповеди», объединял элегии Давыдова с его гусарскими стихами.

Но при всем том Давыдов отчетливо понимал, что он нашел себя как поэт именно в гусарских песнях, и признавался: «Вся гусарщина моя хороша... но элегии слишком пахнут старинной выделкой, задавлены эпитетами, и краски их суть краски фаянсовые, или живопись эпохи Миньяра, Буше и пр. живописцев века Людовика XIV» (письмо к П. А. Вяземскому).

Насколько заботливо старался Давыдов вытравить из своих стихов элементы традиционно-

элегического стиля, видно, между прочим, из предпринятой им уже в середине тридцатых годов переработки раннего стихотворения «Договоры», которое «принято было за элегию, тогда как оно, под личиною элегии, есть чистая сатира» (примечание Давыдова к переработанной редакции «Договоров», 1837 г.). Переработка выразилась, по преимуществу, в приближении к стилистическому своеобразию «гусарщины». Так, например, стихи:

И тут я притеснен толпою безрассудных,
Несносных волокит...

были переделаны следующим образом:

И тут я сволочью нахалов безрассудных
Затолкан дó смерти...

Все типические черты самобытной манеры Давыдова были обусловлены глубоко присущим ему представлением о поэтическом творчестве, как о стихийно-страстном состоянии «энтузиазма», «душевного восторга» и «воспламененного воображения». «Нет поэзии в безмятежной и блаженной жизни! — говорил он. — Надо, чтобы что-нибудь ворочало душу и жгло воображение». В этих целях Давыдов и применял соответствующие средства поэтического выражения.

Давыдов заботливо выправлял свою литературную биографию как биографию поэта-воина, который творит на седле или в палатке и не

заботится о внешней отделке своих творений. На самом деле картина была совершенно иной: Давыдов писал стихи преимущественно в мирной обстановке и лишь в редчайших случаях — во время военных походов. А сохранившиеся черновые рукописи Давыдова свидетельствуют о том, как много труда и старания вкладывал он в отделку и переработку своих произведений.

Стихотворная техника Давыдова (в лучших его вещах) заслуживает большого внимания. Современники поэта оценили ее высоко. А. А. Бестужев-Марлинский отметил, что слог «партизана-поэта быстр, картинен, внезапен»; П. А. Вяземский сравнивал «пылкий стих» Давыдова с пробкой, «рвущейся в потолок», и с «хладным кипятком» шампанского, бьющим из бутылки; Н. М. Языков охарактеризовал давыдовский стих как

> . . .стих могучий,
> Достопамятно-живой,
> Упоительный, кипучий
> И воинственно-летучий,
> И разгульно-удалой.

Все эти и многие подобные им оценки, несмотря на их импрессионистический характер, совершенно правильно подчеркивают особую темпераментность и напряженную экспрессивность стихов Давыдова, их действительно «разгульно-удалые» ритмические ходы и «воинственно-летучую» стремительность стихового темпа:

Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта...

Именно эта энергия стиха, равно как и смелое обращение с поэтическим словом, нередко уклонявшееся в каламбурность («Он весь был в *немощи:* теперь попал он в *мощи»* и т. п.), наиболее отвечали принципам построения образа лирического героя — «старого гусара», дополнительно оттеняя его специфическую эмоциональную стихию, владеющее им бурное воодушевление.

В позднем стиховом творчестве Давыдова элегическая струя, приняв отчасти новое направление, разошлась с гусарской. Он стал писать на гладком, условно-«поэтическом» языке, ставшем достоянием многочисленных эпигонов Пушкина, любовную лирику, в которой почти без остатка растворились «резкие черты неподражаемого слога», столь ценившиеся в творчестве Давыдова самим Пушкиным. В стихах этих Давыдов утратил свою самобытную манеру; они ничего не прибавляют к его поэтической индивидуальности, и, если бы его литературное наследие исчерпывалось этими стихами, он остался бы в истории русской поэзии на правах талантливого эпигона, автора совершенных по форме, но подражательных элегий, песен, романсов и мадригалов.

Но темы воспоминаний о прежних подвигах

и негодования на «гонителей» позволили Давыдову развернуть на новом материале (более широком, нежели в ранних стихах) наиболее сильные стороны своего дарования. При этом Давыдов использовал опыт своей творческой работы над «гусарщиной». В его стихах снова появляется образ «старого гусара». Полностью сохранив позу «певца-героя», Давыдов вместе с тем существенно изменил интонационный строй своей лирической автобиографии. Он натянул на свою легкую гусарскую лиру медную струну. Существенно изменился и самый портрет героя. Это уже не лихой и безумный «ёра и забияка», но «рано брошенный в тревоги» прославленный партизан, чью судьбу «попрали сильные»:

Давно ль под мечами в пылу батарей
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.

Всецело в духе заново осмысленной «гусарщины» выполнены бытовые и сатирические стихи Давыдова, написанные в двадцатые и тридцатые годы («Полу-солдат», «Гусарская исповедь», **«Голодный пес»**, «Челобитная», эпиграммы).

Особое место в творческом наследии Давыдова занимает самое знаменитое его произведение — «Современная песня» (1836). В этом стихотвор-

ном памфлете Давыдов с отчетливо консервативных позиций выступил против передовой общественности тридцатых годов, персонально — против Чаадаева. «Современная песня» пользовалась шумной популярностью у современников. «Стоило только произнести первую строчку, как слушатели подхватывали продолжение и дочитывали песню до конца, при единодушном смехе», — вспоминал А. Д. Галахов.

Полемическая острота памфлета усугублялась еще благодаря тому обстоятельству, что Давыдов имел в виду определенных лиц, хорошо известных московскому обществу. Но, по верному замечанию критика А. В. Дружинина, «Современная песня», подобно «Горю от ума», «пошла гораздо далее цели, предполагаемой поэтом»: «Временна́я сторона испарилась с годами, и в словесности навсегда остались лишь истинно типические стороны произведения, независимые ни от времени, ни от самых личностей, служивших за оригиналов поэту». И действительно, вопреки своей общей реакционно-националистической направленности, «Современная песня» не только осталась в русской поэзии как памятное произведение, но и приобрела в высшей степени интересную судьбу.

К числу «истинно типических сторон» этого стихотворения в первую очередь относится замечательно острая разоблачительная характеристика дворянского либерализма, служившего маской для отъявленных крепостников, — характеристика, которую дал Давыдов, субъективно вы-

ступая против «новых людей» и «новых понятий» вообще:

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала...

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей...

Разоблачительная сила этих стихов была такова, что деятели русского революционно-демократического движения многократно пользовались ими (конечно, соответственно переосмысляя их) в своей борьбе с либералами. Так, например, В. Г. Белинский, характеризуя «людей, которые из всех сил бьются прослыть так называемыми либералами» и которые достигают не более как «незавидного прозвища жалких крикунов», писал: «Много можно было бы сказать об этих людях характерического... но мы предпочитаем воспользоваться здесь чужою, уже готовою характеристикою, которая соединяет в себе два драгоценные качества — краткость и полноту: мы

говорим об этих удачных стихах покойного Дениса Давыдова...» — и далее Белинский цитирует приведенные выше строфы из «Современной песни».

* * *

Денис Давыдов, писавший в эпоху расцвета русской поэзии, в условиях очень высокой поэтической культуры, сумел занять в ряду поэтов первой трети XIX века достаточно заметное и вполне самостоятельное место.

Сам Пушкин отдавал должное творческой самобытности Давыдова. Он утверждал даже, что именно Давыдову был обязан тем, что не поддался в молодости исключительному влиянию Жуковского и Батюшкова. «Он дал мне почувствовать еще в лицее возможность быть оригинальным», — сказал Пушкин о Давыдове. Пушкин признался также, что в молодости старался подражать Давыдову в «кручении стиха», «приноравливался к его слогу» и «усвоил его манеру навсегда».

В ранних стихах Пушкина, действительно, можно без труда обнаружить многочисленные точки соприкосновения с поэзией Давыдова — в темах, стиле, интонации, фразеологии. Влияние Давыдова сказалось, к примеру, в таких стихотворениях Пушкина, как: «Казак», «Воспоминание», «Городок», «Усы», «Послание к Юдину», «К Каверину», «В. Л. Пушкину», «Юрьеву». В иных случаях юный Пушкин прямо «перепевал» Давыдова.

Некоторые строчки Давыдова так запомнились Пушкину, что он непроизвольно повторял их в своих стихах; так, например, слова Давыдова «бешенство желанья» (из «Элегии VIII», 1817 г.) буквально повторяются у Пушкина в стихотворениях «Мечтателю» (1818) и «Юрьеву» (1820). Прямой отголосок знаменитой давыдовской строчки «Жомини да Жомини. . .» содержится в набросках комедии об игроке, задуманной Пушкиным в 1821 году. В своих стихотворных обращениях к Давыдову Пушкин (равно как и другие поэты) явным образом стилизовал «гусарскую» манеру Давыдова, тщательно воспроизводя и словарь, и общую тональность его лирики. Подмечена связь между «военными» образами, которыми Пушкин характеризовал свои стихи в «Домике в Коломне», и фразеологией Давыдова.

Самобытность таланта Дениса Давыдова, яркий национальный колорит его творчества, в котором слышатся отзвуки героического 1812 года, неповторимость его языка и «красок», конкретность созданного им образа «певца-героя» — гусара и партизана, наконец элементы реалистического стиля, наличествующие в стихах Давыдова и сближающие его с Крыловым и Грибоедовым, — все это покрывается оценкой, данной его творчеству Белинским: «Давыдов, как поэт, решительно принадлежит к самым ярким светилам второй величины на небосклоне русской поэзии».

Вл. Орлов

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

<Автобиография>

Денис Васильевич Давыдов родился в Москве 1784 года июля 16-го дня, в год смерти Дениса Дидерота. Обстоятельство сие тем примечательно, что оба сии Денисы обратили на себя внимание земляков своих бог знает за какие услуги на словесном поприще!

Давыдов, как все дети, с младенчества своего оказал страсть к маршированию, метанию ружьем и проч. Страсть эта получила высшее направление в 1893 году от нечаянного внимания к нему графа Александра Васильевича Суворова, который при осмотре Полтавского легкоконного полка, находившегося тогда под начальством родителя Давыдова, заметил резвого ребенка и, благословив его, сказал: *Ты выиграешь три сражения!* Маленький повеса бросил псалтырь, замахал саблею, выколол глаз дядьке, проткнул шлык няне и отрубил хвост борзой собаке, думая тем исполнить пророчество великого человека.

Розга обратила его к миру и к учению. Но как тогда учили! Натирали ребят наружным блеском, готовя их для удовольствий, а не для

пользы общества: учили лепетать по-французски, танцевать, рисовать и музыке; тому же учился и Давыдов до тринадцатилетнего возраста. Тут пора было подумать и о будущности: он сел на коня, захлопал арапником, полетел со стаею гончих собак по мхам и болотам — и тем заключил свое воспитание.

Между *порошами* и *брызгами,* живя в Москве без занятий, он познакомился с некоторыми молодыми людьми, воспитывавшимися тогда в Университетском пансионе. Они доставили ему случай прочитать «Аониды», полупериодическое собрание стихов, издаваемое тогда Н. М. Карамзиным. Имена знакомых своих, напечатанные под некоторыми стансами и песенками, помещенными в «Аонидах», воспламенили его честолюбие: он стал писать; мысли толпились, но, как приключение во сне, без связи между собою. В порывах нетерпения своего он думал победить препятствия своенравием: рвал бумагу и грыз перья, но не тут-то было! Тогда он обратился к переводам, и вот первый опыт его стихосложения:

Пастушка Лиза, потеряв
Вчера свою овечку,
Грустила и эху говорила
Свою печаль, что эхо повторило:
«О милая овечка! Когда я думала, что ты меня
Завсегда будешь любить,
Увы, по моему сердцу судя,
Я не думала, что другу можно изменить!»

В начале 1801 года запрягли кибитку, дали Давыдову в руки 400 рублей ассигнациями и отправили его в Петербург на службу. Малый рост препятствовал ему вступить в Кавалергардский полк без затруднения. Наконец привязали недоросля нашего к огромному палашу, опустили его в глубокие ботфорты и покрыли святилище поэтического его гения мукóю и треугольною шляпою.

Таковым чудовищем спешит он к двоюродному брату своему А. М. Каховскому, чтобы порадовать его своею радостью; но увы, какой прием! Вместо поздравлений, вместо взаимных с ним восторгов этот отличный человек осыпал его язвительными насмешками и упреками за вступление на службу неучем. «Чтó за солдат, брат Денис, — заключил он поразительный монолог свой, — чтó за солдат, который не надеется быть фельдмаршалом! А как тебе снести звание это, когда ты не знаешь ничего того, что необходимо знать штаб-офицеру?» Самолюбие Давыдова было скорбно тронуто, и с того времени, гонимый словами Каховского, подобно грозному призраку, он не только обратился к военным книгам, но пристрастился к ним так, что не имел уже нужды в пугалищах, чтоб заниматься чтением.

Между тем он не оставлял и беседы с музами: он призывал их во время дежурств своих в казармы, в госпиталь и даже в эскадронную конюшню. Он часто на нарах солдатских, на столике больного, на полу порожнего стойла, где избирал свое логовище, писывал сатиры и эпи-

граммы, коими начал ограниченное словесное поприще свое.

В 1804 году судьба, управляющая людьми, или люди, направляющие ее ударами, принудили повесу нашего выйти в Белорусский гусарский полк, расположенный тогда в Киевской губернии, в окрестностях Звенигородки. Молодой гусарский ротмистр закрутил усы, покачнул кивер на ухо, *затянулся, натянулся* и пустился плясать мазурку до упаду.

В это бешеное время он писал стихи своей красавице, которая их не понимала, потому что была полька, и сочинил известный призыв на пунш Бурцову,[1] который читать не мог оттого, что сам *писал мыслете*.

В 1806 году, быв переведен в лейб-гусарский полк поручиком, Давыдов явился в Петербург. Вскоре загорелась война с французами, и знаменитый князь Багратион избрал его в свои адъютанты. Давыдов поскакал в армию, прискакал в авангард, бросился в сечу, едва не попался в плен, но был спасен казаками.

По заключении мира Давыдов возвратился в Россию и написал «Договоры», «Мудрость» и несколько других стихотворений.

Зимою 1808 года объявлена война Швеции. Давыдов является в армию, ждет обещанного приступа Свеаборгу, но, узнав о начатии переговоров для сдачи этой крепости, он спешит к

---

1 Этот Бурцов служил в одном полку с Давыдовым и умер в 1813 году.

Кульневу на север: следуя с ним до окрестностей Улеаборга, он занимает с командою казаков остров Карлое и, возвратясь к авангарду, отступает по льду Ботнического залива, до селения Пигаиоков, а оттуда до Гамле-Карлеби. При селении Химанго, в виду неприятельских аванпостов, он перевел Делилеву басню: „La Rose et l'Etourneau“. [1]

В течение этой кампании Давыдов неотлучно находился при авангарде Кульнева в северной Финляндии; сопутствуя ему во время завоевания Аландских островов, он с ним расставлял пикеты, наблюдал за неприятелем, разделял суровую его пищу и спал на соломе под крышею неба.

В течение лета 1809 года князь Багратион поступает на степень главнокомандующего Задунайскою армиею; Давыдов находится при сем блистательном полководце во всех сражениях того года.

1810 года обстоятельства отрывают князя Багратиона от армии; граф Каменский заступает его место, и Давыдова снова присылают к авангарду Кульнева. В поучительной школе этого неусыпного и отважного воина он кончает курс аванпостной службы, начатой в Финляндии, и познает цену спартанской жизни, необходимой для всякого, кто решился *нести службу, а не играть со службою.*

Возвратясь после рущукского приступа к генералу своему, получившему тогда главное началь-

[1] «Роза и Скворец». — *Ред.*

ство над 2-ю западною армиею, Давыдов находился при нем в Житомире и Луцке без действия, если исключим курьерские поездки и беседы его с соименным ему покорителем Индии (Бахусом или Вакхом, иначе Дионисием).

Начинается Отечественная война. Давыдов поступает в Ахтырский гусарский полк подполковником, командует 1-м батальоном оного до Бородина;[1] подав первый мысль о выгоде партизанского действия, он отправляется с партиею гусар и казаков (130-ю всадниками) в тыл неприятеля, в средину его обозов, команд и резервов; он действует против них сряду десять суток и, усиленный шестьюстами новых казаков, сражается несколько раз в окрестностях и под стенами Вязьмы. Он разделяет славу с графом Орловым-Денисовым, Фигнером и Сеславиным под Ляховым, разбивает трехтысячное кавалерийское депо под Копысом, рассеивает неприятеля под Белыничами и продолжает веселые и залетные свои поиски до берегов Немана. Под Гродном он нападает на четырехтысячный отряд Фрейлиха, составленный из венгерцев: Давыдов — в душе гусар и любитель природного их напитка; за стуком сабель застучали стаканы, и — город наш! ! !

Тут фортуна обращается к нему *задом*. Давыдов предстает *пред лицо* генерала Винценгероде и поступает под его начальство. С ним пресмы-

---

1 Тогда гусарские полки состояли из двух баталионов; каждый баталион заключал в себе 5 эскадронов в мирное и 4 эскадрона в военное время.

кается он чрез Польшу, Силезию и вступает в Саксонию. Не стало терпения! Давыдов рванулся вперед и занял половину города Дрездена, защищаемого корпусом маршала Даву. За таковую дерзость он был лишен команды и сослан в главную квартиру.

Справедливость царя-покровителя была щитом беспокровного. Давыдов снова является на похищенное у него поприще, на коем продолжает действовать до берегов Рейна.

Во Франции он командует в армии Блюхера Ахтырским гусарским полком. После Краонского сражения, в коем все генералы 2-ой гусарской дивизии (что ныне 3-ья) были убиты или ранены, он управляет двое суток всею дивизиею, а потом бригадою, составленною из гусарских полков — того же Ахтырского и Белорусского, с которыми он проходит чрез Париж. За отличие в сражении под Бриеном (Ларотьер) он производится в генерал-майоры.

1814 года Давыдов возвращается из Парижа в Москву, где предается исключительно поэзии и сочиняет несколько элегий.

Во время мира он занимает место начальника штаба пехотных корпусов: вначале 7-го, а потом 3-го.

В 1819 году он вступает в брак, а в 1821 году *бракует* себя из списков фронтовых генералов, состоящих по кавалерии. Но единственное упражнение: застегивать себе поутру и расстегивать к ночи крючки и пуговицы от глотки до пупа надоедает ему до того, что он решается на рас-

пашной образ одежды и жизни и, в начале 1823 года, выходит в отставку.

Со вступлением на престол императора Николая Давыдов снова оплечается знаками военной службы и опоясывается саблею. Персияне вторгаются в Грузию. Государь император удостоивает его избранием в действующие лица на ту единственную пограничную черту России, которая не звучала еще под копытами коня Давыдова. Он вырывается из объятий милого ему семейства и спешит из Москвы в Грузию: в десять дней Давыдов за Кавказом. Еще несколько дней, и он с отрядом своим за Безобдалом, в погоне за неприятелем, отступающим от него по Бамбакской долине. Наконец, еще одни сутки, и он близ заоблачного Алагёза поражает четырехтысячный отряд известного Гассан-хана, принудив его бежать к Эриванской крепости, куда спешит и сам сардар эриванский с войсками своими от озера Гохчи. Тут открывается глазам Давыдова Арарат в полном блеске, в своей снеговой одежде, с своим голубым небом и со всеми воспоминаниями о колыбели рода человеческого.

После сей экспедиции Давыдов занимается строением крепости Джелал-Оглу, которую довершает около декабря месяца. Зимою, во время бездействия, он получает от генерала Ермолова отпуск в Москву на шесть недель, но едва успевает он обнять свое семейство, как снова долг службы влечет его за кавказские пределы. Но эта поездка не приносит ему успеха прошлогоднего: на этот раз перемена климата не благоприят-

ствует Давыдову, и недуг принуждает его удалиться к кавказским целительным водам, где, тщетно ожидая себе облегчения, он находится вынужденным уже безвозвратно отбыть в Россию.

До 1831 года он заменяет привычные ему боевые упражнения занятиями хозяйственными, живет в своей приволжской деревне, вдали от шума обеих столиц, и пользуется всеми наслаждениями мирной, уединенной и семейной жизни. Там сочиняет он: «Бородинское поле», «Душеньку», «Послание Зайцевскому» и проч.

Тяжкий для России 1831 год, близкий родственник 1812-му, снова вызывает Давыдова на поле брани. И какое русское сердце, чистое от заразы общемирного гражданства, не забилось сильнее при первом известии о восстании Польши? Низкопоклонная, невежественная шляхта, искони подстрекаемая и руководимая женщинами, господствующими над ее мыслями и делами, осмеливается требовать у России того, что сам Наполеон, предводительствовавший всеми силами Европы, совестился явно требовать, силился исторгнуть и — не мог! Давыдов скачет в Польшу, 12-го марта он находится уже в главной квартире армии, в местечке Щенице, а 22-го — в Красноставе, где кочует порученный ему отряд войск, состоящий из полков: трех казачьих и Финляндского драгунского.

6-го апреля он берет приступом город Владимир-на-Волыни и низлагает в нем одно из главных ополчений мятежников Волынской губернии.

29-го апреля он, вместе с генерал-майором графом Толстым, загоняет корпус Хржановского под пушки крепости Замостья.

7-го июня, командуя авангардом корпуса генерала Ридигера в сражении под Лисобиками, Давыдов принимает на щит свой все удары главных сил неприятеля и не уступает ему ни шагу. Бой длится более трех часов. Генерал Ридигер, пользуясь стойкостью пехоты Давыдова, обходит сражающихся, ударяет в тыл неприятеля и сим искусным и отважным движением обращает победу на свою сторону. За этот бой Давыдов производится в генерал-лейтенанты.

В течение августа Давыдов, продолжая командовать то различными отрядами, то всею кавалериею корпуса генерала Ридигера, действует за Вислою между Варшавою и Краковом. Наконец, командуя в предмостном укреплении на Висле при местечке Казимирже, он отбивает учиненное на него всем корпусом Ружицкого нападение, предпринятое 28-го августа, и по совершенном низложении мятежа русскою армиею возвращается в Москву, на свою родину, к своему семейству.

Давыдов не много писал, еще менее печатал; он, по обстоятельствам, из числа тех поэтов, которые довольствовались *рукописною* или *карманною* славою. Карманная слава, как карманные часы, может пуститься в обращение, миновав строгость казенных осмотрщиков. Запрещенный товар, как запрещенный плод: цена его удвоивается от запрещения. Сколько столовых часов

под свинцом таможенных чиновников стоят в лавке; на вопрос: долго ли им стоять? отвечают они: *вечность!*

Общество любителей российской словесности, учрежденное при Московском университете, удостоило Давыдова избранием в число своих действительных членов, и он примкнул в нем к толпе малодействующих. Однако сочинение его «Опыт партизанского действия» и издаваемые ныне «Стихотворения» дают ему право на адрес-календарь Глазунова и на уголок в Публичной библиотеке, в сем богоугодном и странноприимном заведении, куда стекаются любовники гулливых барышень Парнаса. При всем том, Давыдов не искал авторского имени, и как приобрел оное — сам того не знает. Бо́льшая часть стихов его пахнет биваком. Они были писаны на привалах, на дневках, между двух дежурств, между двух сражений, между двух войн; это пробные почерки пера, чинимого для писания рапортов начальникам, приказаний подкомандующим.

Стихи эти были завербованы в некоторые московские типографии тем же средством, как некогда вербовали разного ро́да бродяг в гусарские полки: за шумными трапезами, за веселыми пирами, среди буйного разгула.

Они, подобно Давыдову во всех минувших войнах, появлялись во многих журналах наездниками, поодиночке, наскоком, очертя голову; день их — был век их.

Сходство между ними идет далее: в каждой войне он пользовался общим одобрением, общею

похвалою; в мирное время о нем забывали вместе с каждой войною. То же было с журналами, заключающими стихи его, и с его стихами. Кому известна ныне служба его во время войн в Пруссии, в Финляндии, в Турции, в России, в Германии, во Франции, в Грузии и в Польше? Кто ныне знает о существовании какой-нибудь «Мнемозины», какого-нибудь «Соревнователя просвещения», «Амфиона» и других журналов, *поглощенных вечностью* вместе со стихами Давыдова?

Никогда бы не решился он на собрание рассеянной своей стихотворной вольницы и на помещение ее на *непременные квартиры* у книгопродавца, если бы добрые люди не доказали ему, что одно и то же — покоиться ей розно или вместе.

Сбор этот стоил ему немалого труда. Некоторые стихотворения были исторгнуты им из покрытых уже прахом или изорванных журналов, а другие, переходя из рук в руки писцов, более или менее грамотных, изменились до того, что едва были узнаны самим автором. Мы не говорим уже о тех, которые, прославляя удалую жизнь, не могли тогда и не могут теперь показаться на инспекторский смотр цензурного комитета, и о тех, кои исключены им из списка за рифмы на глаголы, ибо, как говорит он, *во многоглаголании несть спасения.*

Как бы то ни было, он обэскадронил все что мог из своей сволочи, и представляет команду эту на суд читателя, с ее странною поступью (allure), с ее обветшалыми ухватками, в ее

одежде старомодного покроя, как кагульских, как очаковских инвалидов-героев новому поколению забалканских и варшавских щеголей-победителей! Будут нападки: это в порядке вещей. Но пусть вволю распояшется на этот подвиг санктпетербургская и московская милиция критиков! В лета щекотливой юности Давыдова малейшее осуждение глянца сапогов, фабры усов, статей коня его бросало его руку на пистолет или на рукоять его черкесской шашки. Время это далеко! Теперь мы ручаемся, что он ко многому уже равнодушен, особенно к стихам своим, к коим равнодушие его, относительно их красоты или недостатков, не изменялось и не изменится. И как быть иначе! Он никогда не принадлежал ни к какому литературному цеху. Правда, он был поэтом, но поэтом не по рифмам и стопам, а по чувству; по мнению некоторых — воображением, рассказами и разговорами; по мнению других — по залету и отважности его военных действий. Что касается до упражнения его в стихотворстве, то он часто говаривал нам, что это упражнение или, лучше сказать, порывы оного утешали его, как бутылка шампанского, как наслаждение, без коего он мог обойтись, но которым упиваясь, он упивался уже с полным чувством эгоизма и без желания уделить кому-нибудь хотя бы малейшую каплю своего наслаждения.

Заключим: Давыдов не нюхает с важностью табаку, не смыкает бровей в задумчивости, не сидит в углу в безмолвии. Голос его тонок, речь

жива и огненна. Он представляется нам сочетателем противоположностей, редко сочетающихся. Принадлежа стареющему уже поколению и летами, и службою, он свежестью чувств, веселостью характера, подвижностью телесною и ратоборством в последних войнах собратствует, как однолеток, и текущему поколению. Его благословил великий Суворов; благословение это ринуло его в боевые случайности на полное тридцатилетие; но, кочуя и сражаясь тридцать лет с людьми, посвятившими себя исключительно военному ремеслу, он в то же время занимает не последнее место в словесности между людьми, посвятившими себя исключительно словесности. Охваченный веком Наполеона, изрыгавшим всесокрушительными событиями, как Везувий лавою, он пел в пылу их, как на костре тамплиер Моле, объятый пламенем. Мир и спокойствие — и о Давыдове нет слуха, его как бы нет на свете; но повеет войною — и он уже тут, торчит среди битв, как казачья пика. Снова мир — и Давыдов опять в степях своих, опять гражданин, семьянин, пахарь, ловчий, стихотворец, поклонник красоты во всех ее отраслях — в юной деве ли, в произведениях художеств, в подвигах ли военном или гражданском, в словесности ли, — везде слуга ее, везде раб ее, поэт ее. Вот Давыдов!

СТИХОТВОРЕНИЯ

ГОЛОВА И НОГИ

Уставши бегать ежедневно
По грязи, по песку, по жесткой мостовой,
Однажды Ноги очень гневно
Разговорились с Головой:
«За что мы у тебя под властию такой,
Что целый век должны тебе одной повиноваться;
Днем, ночью, осенью, весной,
Лишь вздумалось тебе, изволь бежать, таскаться
Туда сюда, куда велишь;
А к этому еще, окутавши чулками,
Ботфортами да башмаками,
Ты нас, как ссылочных невольников, моришь,
И, сидя наверху. лишь хлопаешь глазами,
Покойно судишь, говоришь
О свете, о людя́х, о моде,
О тихой иль дурной погоде;
Частенько на наш счет себя ты веселишь
Насмешкой, колкими словами, —
И, словом, бедными Ногами
Как шашками вертишь».
— «Молчите, дерзкие, — им Голова сказала, —
Иль силою я вас заставлю замолчать!..

Как смеете вы бунтовать,
Когда природой нам дано повелевать?»
— «Всё это хорошо, пусть ты б повелевала,
По крайней мере нас повсюду б не швыряла,
А прихоти твои нельзя нам исполнять;
Да, между нами ведь признаться,
Коль ты имеешь право управлять,
Так мы имеем право спотыкаться
И можем иногда, споткнувшись — как же быть, —
Твое Величество об камень расшибить».

Смысл этой басни всякий знает...
Но должно — тс! — молчать: дурак — кто всё болтает.

1803

РЕКА И ЗЕРКАЛО

За правду колкую, за истину святую,
За сих врагов царей, — деспо́т
Вельможу осудил: главу его седую
Велел снести на эшафот.
Но сей успел добиться
Пред грозного царя предстать —
Не с тем, чтоб плакать иль крушиться,
Но, если правды не боится,
То чтобы басню рассказать.
Царь жаждет слов его; философ не страшится
И твердым гласом говорит:
«Ребенок некогда сердился,
Увидев в зеркале свой безобразный вид:
Ну в зеркало стучать, и в сердце веселился,
Что может зеркало разбить.
Наутро же, гуляя в поле,
Свой гнусный вид в реке увидел он опять.
Как реку истребить? — Нельзя, и поневоле
Он должен был и стыд и срам питать.
Монарх, стыдись! Ужели это сходство
Прилично для тебя?..
Я — зеркало: разбей меня,
Река — твое потомство:
Ты в ней найдешь еще себя».

Монарха речь сия так сильно убедила,
Что он велел ему и жизнь и волю дать...
Постойте, виноват! — велел в Сибирь сослать,
А то бы эта быль на басню походила.

1803

СОН

— Кто столько мог тебя, мой друг,
развеселить?
От смеха ты почти не можешь говорить.
Какие радости твой разум восхищают,
Иль де́ньгами тебя без векселя ссужают?
Иль талия тебе счастливая пришла
И двойка трантель-ва на выдержку взяла?
Что сделалось с тобой, что ты не отвечаешь?
— Ах! дай мне отдохнуть, ты ничего не знаешь!
Я, право, вне себя, я чуть с ума не сшел:
Я ноньче Петербург совсем другим нашел!
Я думал, что весь свет совсем переменился:
Вообрази — с долгом Н[арышки]н расплатился,
Не видно более педантов, дураков,
И даже поумнел З[агряжск]ой, С[вистун]ов!
В несчастных рифмачах старинной нет отваги,
И милый наш Марин не пачкает бумаги,
А. в службу углубясь, трудится головой:
Как, заводивши взвод, вовре́мя крикнуть: стой!
Но больше я чему с восторгом удивлялся:
Ко[пь]ев, который так Ликургом притворялся,
Для счастья нашего законы нам писал,
Вдруг, *к счастью нашему,* писать их перестал.
Во всем счастливая явилась перемена,
Исчезло воровство, грабительство, измена,

Не видно более ни жалоб, ни обид,
Ну, словом, город взял совсем противный вид.
Природа красоту дала в удел уроду,
И сам Л<ава>ль престал *коситься* на природу,
Б<агратио>на нос вершком короче стал,
И Д<иб>ич красотой людей перепугал,
Да я, который сам, с начала свово века,
Носил с натяжкою званье человека,
Гляжуся, радуюсь, себя не узнаю:
Откуда красота, откуда рост — смотрю;
Что слово — то bon mot,[1] что взор — то страсть вселяю,
Дивлюся — как менять интриги успеваю!
Как вдруг, о гнев небес! вдруг рок меня сразил:
Среди блаженных дней Андрюшка разбудил
И всё, что видел я, чем столько веселился —
Всё видел я во сне, всего со сном лишился.

1803

---

1 Острое словцо (франц.). — *Ред.*

ОРЛИЦА, ТУРУХТАН И ТЕТЕРЕВ

Орлица
Царица
Над стадом птиц была,
Любила истину, щедроты изливала,
Неправду, клевету с престола презирала.
За то премудрою из птиц она слыла,
За то ее любили,
Покой ее хранили.
Но наконец она Всемощною Рукой,
По правилам природы,
Прожив назначенные годы,
Взята была судьбой,
А попросту сказать — Орлица жизнь скончала;
Тоску и горести на птичий род нагнала;
И все в отчаяньи горчайши слезы льют,
Унылым тоном
И со стоном
Хвалы покойнице поют.
Что сердцу горестно, легко ли то забыть?
Слеза — души отрада
И доброй памяти награда.
Но — как ни горестно — ее не возвратить...
Пернаты рассуждают
И так друг друга уверяют,

Что без царя нельзя никак на свете жить
И что царю у них, конечно, дóлжно быть!
И тотчас меж собой совет они собрали
И стали толковать,
Кого в цари избрать?
И наконец избрали...
Великий боже!
Кого же?
Турухтана!
Хоть знали многие, что нрав его крутой,
Что будет царь лихой,
Что сущего тирана
Не надо избирать,
Но дóлжно было потакать —
И тысячу похвал везде ему трубили:
Иной разумным звал, другие находили,
Что будет он отец отечества всего,
Иные клали всю надежду на него,
Иные до небес ту птицу возносили, —
И злого петуха в корону нарядили.
А он —
Лишь шаг на трон,
То хищной тварью всей себя и окружил:
Сычей, сорок, ворон — в павлины нарядил,
И с сею сволочью он тем лишь забавлялся,
Что доброй дичью всей без милости ругался:
Кого велит до смерти заклевать,
Кого в леса дальнейшие сослать,
Кого велит терзать сорокопуту —
И всякую минуту
Несчастья каждый ждал,
Томился птичий род, стонал...

В ужасном страхе все, а делать что —
не знают!
«Виновны сами мы, — пернаты рассуждают, —
И, знать, карает нас вселенныя творец,
За наши каверзы, тираном сим вконец,
Или за то, что мы в цари избрали птицу —
Кровопийцу! . .»
И в горести они летят толпой к леску
Размыкать там свою смертельную тоску.
Не гимны, Турухтан, тебе дичина свищет,
Возмездия делам твоим тиранским ищет.
Когда народ стенет, всяк час беда, напасть,
Пернаты, знать, злодейств терпеть не станут
боле!
Им нужен добрый царь, — ты ж гнусен
на престоле!
Коль необуздан ты — твоя несносна власть!
И птичий весь совет решился,
Чтоб жизни Турухтан и царствия лишился.
К такому приступить гораздо делу трудно!
Однако как же быть?
Казалось многим то безумно,
Но чем иным переменить? . .
Ужасно действие и пропасть в нем греха!
Да, как ни есть,
Свершили месть —
Убили петуха!
Не стало Турухтана, —
Избавились тирана!
В восторге, в радости, все птицы вне себя,
Злодея истребя,
Друг друга лобызают

И так болтают:
«Теперь в спокойствии и неге заживем,
Как птицу смирную на царство изберем!»
И в той сумятице на трон всяк предлагает:
Кто гуся, кто сову, кто курицу желает,
И в выборе царя у птиц различный толк.
О рок!
Проникнуть можно ли судеб твоих причину?
Караешь явно ты пернатую дичину!
И вдруг сомкнулись все, во всех местах
запели,
И все согласно захотели,
Чтоб Тетерев был царь.
Хоть он глухая тварь,
Хоть он разиня бестолковый,
Хоть всякому стрелку подарок он готовый, —
Но все в надежде той,
Что Тетерев глухой
Пойдет стезей Орлицы...
Ошиблись бедны птицы!
Глухарь безумный их —
Скупяга из скупых,
Не царствует — корпит над скопленной
добычью
И управлять другим несчастной отдал дичью.
Не бьет он, не клюет,
Лишь крохи бережет.
Любимцы ж царство разоряют,
Невинность гнут в дугу, срамцов обогащают...
Их гнусной прихотью: кто по миру пошел,
Иной лишен гнезда — у них коль не нашел.

Нет честности ни в чем, идет всё на коварстве,
И сущий стал разврат во всем дичином царстве.

Ведь выбор без ума урок вам дал таков:
Не выбирать в цари ни злых, ни добрых петухов.

1804

БУРЦОВУ

Призывание на пунш

Бурцов, ёра, забияка,
Собутыльник дорогой!
Ради бога и... арака
Посети домишко мой!
В нем нет нищих у порогу,
В нем нет зе́ркал, ваз, картин,
И хозяин, слава богу,
Не великий господин.
Он — гусар, и не пускает
Мишурою пыль в глаза;
У него, брат, заменяет
Все диваны — куль овса.
Нет курильниц, может статься,
Зато трубка с табаком;
Нет картин, да заменятся
Ташкой с царским вензелём!
Вместо зеркала сияет
Ясной сабли полоса:
Он по ней лишь поправляет
Два любезные уса.
А на место ваз прекрасных,
Беломраморных, больших,

На столе стоят ужасных
Пять стаканов пуншевых!
Они по́лны, уверяю,
В них сокрыт небесный жар.
Приезжай, я ожидаю,
Докажи, что ты гусар.

1804

БУРЦОВУ

В дымном поле, на биваке
У пылающих огней,
В благодетельном араке
Зрю спасителя людей.
Собирайся в круговую,
Православный весь причёт!
Подавай лохань златую,
Где веселие живет!
Наливай обширны чаши
В шуме радостных речей,
Как пивали предки наши
Среди копий и мечей.
Бурцов, ты — гусар гусаров!
Ты на ухарском коне
Жесточайший из угаров
И наездник на войне!
Стукнем чашу с чашей дружно!
Нынче пить еще досужно;
Завтра трубы затрубят,
Завтра громы загремят.
Выпьем же и поклянемся,
Что проклятью предаемся,
Если мы когда-нибудь
Шаг уступим, побледнеем,

Пожалеем нашу грудь
И в несчастьи оробеем;
Если мы когда дадим
Левый бок на фланкировке,
Или лошадь осадим,
Или миленькой плутовке
Даром сердце подарим!
Пусть не сабельным ударом
Пресечется жизнь моя!
Пусть я буду генералом,
Каких много видел я!
Пусть среди кровавых бо́ев
Буду бледен, боязлив,
А в собрании героев
Остр, отважен, говорлив!
Пусть мой ус, краса природы,
Черно-бурый, в завитках,
Иссечется в юны годы
И исчезнет, яко прах!
Пусть фортуна для досады,
К умножению всех бед,
Даст мне чин за вахтпарады
И георгья за совет!
Пусть... Но чу! гулять не время!
К ко́ням, брат, и ногу в стремя,
Саблю вон — и в сечу! Вот
Пир иной нам бог дает,
Пир задорней, удалее,
И шумней, и веселее...
Ну-тка, кивер набекрень,
И — ура! Счастливый день!

1804

ГУСАРСКИЙ ПИР

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закручёнными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих;
Чтобы стены от *ура*
И тряслись и трепетали!..
Лучше б в поле закричали...
Но другие горло драли:
«И до нас придет пора!»
Бурцов, брат, что́ за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов, пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь;
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!

Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет,
Пей, люби да веселися!
Вот мой дружеский совет.

1804

МУДРОСТЬ

Анакреонтическая ода

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон.

«Детушки, поберегитесь! —
Говорила Мудрость нам. —
Пить не дóлжно; воздержитесь:
Этот сок опасен вам».

— «Бабушка! — сказал плутишка, —
Твой совет законом мне.
Я — послушливый мальчишка,
Но. . . вот капелька тебе, —

Выпей!» — Бабушка напрасно
Отговаривалась пить.
Как откажешь? Бог прекрасный
Так искусен говорить.

Выпила и нам твердила
О воздержности в вине;
Еще выпив, попросила,
Что осталося на дне.

И старушка зашаталась,
Не нашедши больше слов;
Зашатавшись, спотыкалась,
Опираясь на Любовь.

1807

ДОГОВОРЫ

Довольно... я решен: люблю тебя... люблю.
Давно признанию удобный миг ловлю,
И с уст трепещущих слететь оно готово.
Но взглянешь ты — смущаюсь я
И в сердце робкое скрываю от тебя
Всё бытие мое, вмещающее слово.
Бегу тебя... вотще!.. полна
Безумная душа тобою,
В мечтах бессонницы и в жарких грезах сна,
Неотразимая! ты всюду предо мною.
Прилично ль это мне? — Прошла, прошла пора
Тревожным радостям и бурным наслажденьям,
Потухла в сумраке весны моей заря;
Напрасно предаюсь привычным заблужденьям,
Напрасно! — мне ль тебя любить?
Мне ль сердце юное к взаимности склонить?
Увы, не в сединах сердца обворожаешь!

Всё правда!.. но вчера... ты знаешь...
Могу ли позабыть наш тайный разговор!
Ты резвостью мила; но вздох, но томный взор,
Но что̀ задумчивость твоя мне обещают?
Сказать ли всё тебе? Уж в свете примечают,

Что ты не так резва, беспечна и меня
Безмолвно слушаешь. Вчера рука твоя
Моей не покидала.
Она в руке моей горела, трепетала,
И ты глядела — на кого?
Глядела на меня, меня лишь одного...
Я видел всё... да, я любим тобою!
Как выражу восторг я сердца моего?

Теперь заранее нам дóлжно меж собою
Согласно начертать сердечный договор;
Мы тем предупредим семейственный раздор,
Неудовольствия и неизбежны споры..
Вот *первая статья:*
Мы будем жить одни, глаз нá глаз, ты да я.
Здесь тьма насмешников, которых разговоры
Кипят злословием; — ехидных языков
Я, право, не боюсь; но модных болтунов,
Кудрявых волокит, с лорнетами, с хлыстами,
С очками на носу, с надутыми брыжжами —
Как можно принимать? — Нет, без обиняков,
Нет, нет, решительно: отказ им невозвратный!
И для чего нам свет и чопорный и знатный,
Рой обожателей и шайка сорванцов?
К чему, скажи ты мне, менять нам тихий кров
И мирную любви обитель
На шумный маскарад нахалов и шутов?
Бог с ними! чтó до них! я обществ не любитель
И враг любезникам. Могу ль переносить
И угождения, и в дружбе увереньям
Вертлявых шаркунов? Имеешь позволенье
Раз в месяц... два разá — принять и угостить

Мне с детства моего знакомого соседа
Семидесяти лет. О, как его беседа
Полезна для души! Какой он явный враг
Всем ветреным забавам, развлеченьям,
Пирам, и праздникам, и светским угожденьям.

Итак, мой сделан первый шаг,
И *первая статья* написана. *Вторая:*
Прошу театр не посещать.
Но это — жертва не большая:
Ах, нам ли время убивать,
За наслаждением искусственным стремиться?
Миг дорог для любви! Мой друг, мой юный друг,
Минута праздная чем может наградиться?
К тому ж, что видим мы в театрах? —
Малый круг
Разумных критиков, а прочие — зеваки,
Глупцы, насмешники, невежды, забияки.
Открылся занавес: неистовый герой
Завоет на стихах и в бешенстве жеманном
Дрожащую княжну дрожащею рукой
Ударит невпопад кинжалом деревянным;
Иль, небу и земле отмщением грозя,
Пронзает грудь свою и, выпуча глаза,
Весь в клюквенном соку, кобенясь, умирает...
И ужинать домой с княжною уезжает.
Комедия тебя неужто веселит?
Чему учиться в ней? — лукавствовать, смеяться
Над добрыми людьми? Но можно ль забавляться
Несчастьем ближнего? — Там старичок смешит,
Что поздно полюбил, — но кто повелевает
Волнением страстей? Там мужа наряжает

Прическои модною прелестная жена —
И муж бодается; насмешка не одна
Язвит любовников ревнивых!..
Чтó тут веселого? — К тому ж не вижу ль я
Опять соборища слепцов многоречивых!
Куда деваться мне? куда укрыть тебя
От жадных взглядов их и уст медоточивых?
Уж вот они, — шумят! Уж в ложе, —
боже мой!..
Уж пять *наездников* меж мною и тобой...
И вот еще один теснится с извиненьем...
И я у прúтолки! — Любезные слова
Их слушать осужден с досадой, с нетерпеньем...
Молчу! Чтó делать мне? — Супружние права
Теряют действие в собраньях многолюдных.
Но зрелищу конец, и мы идем с толпой
К подъезду... ах, и тут не легче жребий мой:
И тут я сволочью нахалов безрассудных
Затолкан дó смерти! Они спешат, летят,
Усердствуют тебе и руку предлагают...
Возможно ль отказать? Учтивость, говорят,
Отказам первый враг. Глаза мои теряют
Тебя средь моря шуб, капотов, сертуков,
И шляп с султанами, и шапок, и чепцов!
Не черти ли назло мне путь пересекают,
Везде препятствия! — и я один брожу...
Нет, именем любви тебя прошу
Забыть навек театр, любви моей опасный!

Не всё, не всё еще: танцуешь ты прекрасно,
Я знаю; *но тебе на бáлах не бывать.*
Как будешь ты на бал заране наряжаться,

С намереньем приготовляться,
Чтоб нравиться другим, прельщать,
обворожать?..
Так, стало, для других и локоны волнисты
Завьются? Для других и яхонты огнисты,
Алмазы яркие зажгутся в волосах,
Всё это для других? — И в золоте, в лучах,
Богиня празднества, кадимая жрецами
И упоенная мольбами и хвалами,
Из жалости одной взор бросишь на того,
Кто более всех любит, и кого
Ты не нарядами, не блеском привлекаешь,
Но сердцем, но умом, но скромностью
пленяешь!..
Но вальсы начались. На вальс тебя просить
Подходит юноша. Он, с видом боязливым,
Бродящим взором, торопливым,
Окинул общество и взор остановить
Решился на тебе... И кто не восхитится,
Увидевши тебя! Уж он с тобой вертится...
Злодей! Уж он, обняв твой гибкий, стройный
стан,
Летает... до́ полу из милости касаясь,
И ты лицо с лицом!.. А я?.. я, разрываясь,
Опять у при́толки! А я? Опять в обман
Попался! Думал быть с тобою неразлучен,
Ждал удовольствия — теперь несносен, скучен,
В отчаяньи, взбешен! — Но вальса вихрь утих,
И ты спешишь ко мне, чтоб перевесть дыханье, —
Я ожил, я забыл и горе и страданье,
Но, ах, надолго ли? — Рой франтов молодых
В погоне за тобой, и ты с одним из них —

Прекраснейшим, любезнейшим... Нет, полно!
Нет, *балы позабудь!*.. Утешь меня!.. Довольно
Измучен уже я одной мечтой моей!

Для рассудительных, бесчувственных людей
Я странен, может быть? Что ж делать, друг мой милый,
Могу ли быть тебе несносен от того?
Не я виновен в том. Я сердца моего
Могу ль избавиться? Какою силой
Дам чувства новые ему?
Мне скажут: я тебя на скуку осуждаю,
Твой дом — в безлюдную тюрьму,
Столицу — в монастырь пустынный обращаю...
О нет! я сам хочу, чтоб всюду за тобой
Утехи, радости стремилися толпой...
Но я покой люблю, но скромность обожаю...
И потому *тебя в деревню призываю.*
Огромны здания не нужны нам с тобой:
Чертог, украшенный искусною рукой,
Очаровательный, чудесный,
Не так мне нравится, как сельский домик тесный,
Но светлый и простой; я тесноту люблю:
Боюсь далеко жить от той, с кем жизнь делю!
В одной же горнице кто шепчет, кто вздыхает,
Кто стукнет, заскрыпит, на цыпочках ступает, —
Я вижу, слышу, знаю всё —
И сердце от того спокойнее мое.
Чего ж еще желать блаженства к дополненью?
Во вкусе а́нглийском, простом,
Я рощу насажу, она окру́жит дом,
Пустыню оживит, даст пищу размышленью;

Вдоль рощи побежит струистый ручеек;
Там ивы гибкие беседкою сплетутся;
Березы над скамьей, развесившись, нагнутся;
Там мшистый, темный грот, там светленький
лужок,
И даже огород приманит нас порою
Своей роскошною и скромной простотою.
Мы будем счастливы природой и собой!
Не далеко межа пустынников владенью...
Но столько места в нем живому наслажденью!
Бог с ними, с бла́гами роскошных гордецов!
Им мир и блеск мирской — нам угол и любовь.
Друзья, товарищи трудов моих смиренных —
Кто будут? Жители села с простым умом;
Ум сто́ит остроты: в невежестве своем
Они почтеннее людей высокомерных,
Которых называть опасно... Замолчу!..
Итак, с тобою я в деревню полечу,
Забывши светские печальные забавы,
И общежитие, и модные уставы.
О, сколько радости нас ожидает там!
Скитаться будем мы по рощам, по горам,
Куда глаза глядят... Но только всё со мною,
Не разлучаяся, рука с рукою.
Найдем красивый вид: мы, восхищаясь им,
Приостановимся и взоры усладим,
И сердце сладкими наполнится мечтами...
Но вечереет день, уж солнце за горами,
И сумрак стелется; мы тихою стопой
Идем, задумавшись, с растроганной душой,
Спокойны, сча́стливы. Деревню переходим,
Но мимо хижины убогой не проходим;

Там скорбь безмолвную ты в рубище найдешь...
Смотри: мать бледная с детьми к тебе теснится;
Ты всем несчастным друг, ты помощь им даешь,
И жаркая слеза из глаз твоих катится.
Так дни проводишь ты. Там щедрою рукой
Даришь приданое невесте молодой;
Там старца дряхлого ты лéта уважаешь:
Почетную скамью на свадьбе уступаешь;
И в скромном платьице, без вычурных чудес,
Ты всем являешься посланницей небес.
Так в радостях любви мы дней не замечаем,
Так жизнь летящую в блаженство обращаем.

Ратификации трактату моему
Я с нетерпеньем жду. Доверься своему
Ты другу — *подпиши статьи первоначальны;*
Доволен будет он. Со временем ему
Осенни вечера, мечты, прогулки дальны —
Внушат важнейшие. Придет счастливый час —
И. *тайные статьи* явятся *напоказ.*

1807, середина 1830-х годов

ЧИЖ И РОЗА

Басня

Дочь юная весны младой,
Румяна Роза расцветала
И утреннею красотой
Сердца невольно привлекала.
И Чижик Розу полюбил;
Он путь к красавице направил,
Кочующих друзей оставил
И день и ночь при Розе жил.
Качаясь на зеленой ветке,
Где ждал награды для себя,
Хорошенькой своей соседке
Он говорил: «Люблю тебя!» —
«Уж многие любить клянутся, —
Сказала Роза, — так, как ты;
Когда ж лишусь я красоты,
Где верные друзья найдутся?» —
«Мне быть неверным? Никогда! —
Поет любовник легкокрылый, —
Напротив: страсть моя тогда
Еще усилится, друг милый!»
Амур тогда в саду летал;
Ему ль оставить это дело?
Он вдруг дыханье удержал,

И всё в природе охладело.
Бореи свищут, прах метут;
Листочки Розы побледнели,
Зефиры, мотыльки взлетели,
И следу нет!.. А Чижик тут.
«Ах, если ты находишь счастье
В моей любви, — он говорил, —
Утешься! Я люблю в ненастье,
Как в утро красное любил!»
Бог удивился не напрасно,
Он щедро наградил чету:
Удвоил Розы красоту,
И Чиж один любим был страстно.

Смысл басни, кажется, найдён;
Его ты знаешь, друг мой милый:
Я — тот любовник легкокрылый,
Но как за верность награжден?

1808

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.

Румяный Левенгёльм на бой приготовлялся
И, завязав жабо, прическу поправлял,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора
пресмыкался;
О храбрые враги, куда стремитесь вы?
Отвага, говорят, ничто без головы.

Наш Кульнев до зари, как сокол,
встрепенулся;
Он воинов своих ко славе торопил:
«Вставайте, — говорит, — вставайте,
я проснулся!
С охотниками в бой! Бог храбрости и сил!
По чарке, да на конь, без холи и затеев;

Чем ближе, тем видней, тем легче бить злодеев!»[1]
Всё вмиг воспрянуло, всё двинулось вперед...
О муза, расскажи торжественный поход!

. . . .

1808

---

[1] Приказ Кульнева накануне нападения, которое было назначено за два часа до рассвета.

ПОДРАЖАНИЕ ГОРАЦИЮ

Если б боги милосердия
Были боги справедливости,
Если б ты лишилась прелестей,
Нарушая обещания...
Я бы, может быть, осмелился
Быть невольником преступницы!
Но, Аглая, ка́к идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь — и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой!
Голос, взор твой привлекательней,
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!
Сколько пленников скитается,
Сколько пре́зренных терзается
Вкруг обители красавицы!
Мать страшится называть тебя
Сыну, юностью кипящему,

И супруга содрогается,
Если взор супруга верного
Хотя раз, хоть на мгновение
Обратится на волшебницу!..

1809

ГРАФУ П. А. СТРОГОНОВУ

За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции

Блаженной памяти мой предок Чингисхан,
Грабитель, озорник, с аршинными усами,
На ухарском коне, как вихрь перед громами,
В блестящем панцыре влетал во вражий стан
И мощно рассекал татарскою рукою
Всё, что противилось могущему герою.
Почтенный пращур мой, такой же грубиян,
Как дедушка его, нахальный Чингисхан,
В чекмене легоньком, среди мечей разящих,
Ордами управлял в полях, войной гремящих.
Я тем же пламенем, как Чингисхан, горю;
Как пращур мой Батый, готов на бранну прю.
Но мне ль, любезный граф, в французском одеяньи
Явиться в авангард, как франту на гулянье,
Завязывать жабо, прическу поправлять
И усачам себя Линдором показать!
Потомка бедного ты пожалей Батыя
И за чекмень прими его стихи дурные!

1810

МОЯ ПЕСНЯ

Я на чердак переселился:
Жить выше, кажется, нельзя!
С швейцаром, с кучером простился
И повара лишился я.
Толпе заимодавцев знаю
И без швейцара дать ответ;
Я сам дверь важно отворяю
И говорю им: «Дома нет!»

В дни праздничные для катанья
Готов извозчик площадной,
И будуар мой, зала, спальня
Вместились в горнице одной.
Гостей искусно принимаю:
Глупцам — показываю дверь,
На стул один — друзей сажаю,
А миленькую... на постель.

Мои владенья необъятны:
В окрестностях столицы сей
Все мызы, где собранья знатны,
Где пир горой, толпа людей.
Мои все радости — в стакане,
Мой гардероб лежит в ряду,

Богатство — в часовом кармане,
А сад — в Таврическом саду.

Обжоры, пьяницы! хотите
Житье-бытье мое узнать?
Вы слух на песнь мою склоните
И мне старайтесь подражать.
Я завтрак сытный получаю
От друга, только что проснусь;
Обедать — в гости уезжаю,
А спать — без ужина ложусь.

О богачи! не говорите,
Что жизнь несчастлива моя.
Нахальству моему простите,
Что с вами равен счастьем я.
Я кой-как день переживаю —
Богач роскошно год живет...
Чем кончится? И я встречаю,
Как миллионщик, новый год.

1811

В АЛЬБОМ

На вьюке, в тороках, цевницу я таскаю,
Она и под локтем, она под головой;
Меж конских ног позабываю,
В пыли, на влаге дождевой...
Так мне ли ударять в разлаженные струны
И петь любовь, луну, кусты душистых роз?
Пусть загремят войны перуны,
Я в этой песне виртуоз!

1811

К Е. Ф. С-НУ, УБЕЖДАВШЕМУ МЕНЯ НАПИСАТЬ ЕМУ ЧТО-НИБУДЬ

Рушитель лености моей,
Оставь дремать меня в покое
Среди моих беспечных дней;
Позволь мне время золотое
Заботами не возмущать!
Я славы не хочу искать;
Хочу покоиться всечасно,
Лежа в постеле, размышлять
И век лениться сладострастно!

1813

ЭПИГРАММЫ

К ПОРТРЕТУ БОНАПАРТЕ

Сей корсиканец целый век
Гремит кровавыми делами.
Ест по сту тысяч человек
И ..... королями.

К ПОРТРЕТУ NN

Говорит хоть очень тупо,
Но в нем это мудрено,
Что он умничает глупо,
А дурачится умно.

НА К.

Bout-rimé[1]

В любезности его неодолимый — *груз,*
В нем не господствует ни соль, ни — *перец;*
Я верю: может быть, для немок он — *француз,*
Но для француженок он — *немец.*

---

[1] Буриме — стихи на заданные рифмы. — *Ред.*

НА НЕГО ЖЕ

А кто он? — Француз, германец,
Франт, философ, скряга, мот,
То блудлив, как ярый кот,
То труслив, как робкий заяц;
То является томим
Чувством жалостно-унылым,
То бароном легкокрылым,
То маркизом пудовым.

НАДПИСЬ К СОЧИНЕНИЯМ Г.**

Он с цветочка на цветок,
С стебелька на стебелек
Мотыльком перелетает;
Но сколь рок его суров:
Все растенья он лобзает,
Кроме... ла́вровых листов!

ЭПИГРАММА

Остра твоя, конечно, шутка,
Но мне прискорбно видеть в ней
Не счастье твоего рассудка,
А счастье памяти твоей.

Между 1805 и 1814

К МОЕЙ ПУСТЫНЕ

Пустыня тихая, сует уединенна,
В тебе я позабыл все горести мои!
Но будь ты на холмах *Аи*, —
Тогда была бы совершенна!

1814

В. А. ЖУКОВСКОМУ

Жуковский, милый друг! Долг красен
платежом:
Я прочитал стихи, тобой мне посвященны;
Теперь прочти мои, биваком окуренны
И спрысканны вином!
Давно я не болтал ни с музой, ни с тобою,
До стоп ли было мне?..

. . . .

Но и в грозах войны, еще на поле бранном,
Когда погас российский стан,
Тебя приветствовал с огромнейшим стаканом
Кочующий в степях нахальный партизан!

1814

Гераков! прочитал твое я сочиненье,
Оно утешило мое уединенье;
Я несколько часов им душу восхищал;
Приятно видеть в нем, что сердцу благородно,
Что пылкий дух любви к отечеству внушал, —
Ты чтишь отечество, и русскому то сродно:
Он ею славу, честь, бессмертие достал.

1814

ПЕСНЯ

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
    Я люблю кровавый бой,
    Я рожден для службы царской!

За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!
    За тебя на черта рад,
    Наша матушка Россия!

Станем, братцы, вечно жить
Вкруг огней, под шалашами,
Днем — рубиться молодцами,
Вечерком — горелку пить!
    Станем, братцы, вечно жить
    Вкруг огней, под шалашами!

О, как страшно смерть встречать
На постеле господином,

Ждать конца под балдахином
И всечасно умирать!
    О, как страшно смерть встречать
    На постеле господином!

То ли дело средь мечей:
Там о славе лишь мечтаешь,
Смерти в когти попадаешь,
И не думая о ней!
    То ли дело средь мечей:
    Там о славе лишь мечтаешь!

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
    Я люблю кровавый бой,
    Я рожден для службы царской!

1815

ДРУГУ-ПОВЕСЕ

Болтун красноречивый,
Повеса дорогой!
Оставим свет шумливый
С беспутной суетой.
Пусть радости игривы,
Амуры шаловливы,
И важных муз синклит,
И троица харит
Украсят день счастливый!
Друг милый, вечерком
Хоть на часок покинем
Вельмож докучный дом
И к камельку подвинем
Диваны со столом,
Плодами и вином
Роскошно покровенным
И гордо отягченным
Страсбу́ргским пирогом.
К нам созван круг желанный
Отличных сорванцов,
И, плю́щем увенчанны,
Владельцы острых слов,

Мы Вакховых даров
Потянем сок избрáнный!
Прошу тебя забыть
Нахальную уловку,
И крепс, и понтировку,
И страсть людей губить,
А лучше пригласить
Изменницу, плутовку,
Которую любить
До завтра, может быть,
Вчера ты обещался.
Проведавши мой зов,
На пир ко мне назвался
Эрот, сей бог богов,
Веселых шалунов
Любимец и любитель,
Мой грозный повелитель
До сребряных власов.
Я место назначаю
Почетное ему,
По сану и уму:
Прекрасного сажаю
Близ гостьи молодой
И тяжкий кубок мой
Чете препоручаю.
И пробка полетит
До потолка стрелою,
И пена зашумит
Сребристою струею
Под розовой рукою
Резвейшей из харит!
Так время пробежит

Меж радостей небесных, —
А чтоб хмельнее быть,
Давай здоровье пить
Всех ветрениц известных!

1815

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖЕНЩИНА

Что́ она? — Порыв, смятенье,
И холодность, и восторг,
И отпор, и увлеченье,
Смех и слезы, черт и бог,
Пыл полуденного лета,
Урагана красота,
Исступленного поэта
Беспокойная мечта!
С нею дружба — упоенье. . .
Но спаси, создатель, с ней
От любовного сношенья
И таинственных связей!
Огненна, славолюбива,
Я ручаюсь, что она
Неотвязчива, ревнива,
Как законная жена!

1816

ОТВЕТ НА ВЫЗОВ НАПИСАТЬ СТИХИ

Вы хотите, чтоб стихами
Я опять заговорил,
Но чтоб новыми стезями
Верх Парнаса находил:
Чтобы славил нежны розы,
Верность женския любви,
Где трескучие морозы
И кокетства лишь одни!
Чтоб при ташке в доломане
Посошок в руке держал
И при грозном барабане
Чтоб минором воспевал.
Неужель любить не можно,
Чтоб стихами не писать?
И, любя, ужели должно
Чувства в рифмы оковать?
По кадансу кто вздыхает,
Кто любовь в цветущий век
Лишь на стопы размеряет,
Тот — прежалкий человек!
Он влюбился — и поспешно
Славит милую свою;

Возрыдая безутешно,
Говорит в стихах: «Пою!»
От парнасского паренья
Беспокойной головы
Скажет также, без сомненья,
И жестокая: «Увы!»
Я поэзией небесной
Был когда-то вдохновен.
Дар божественный, чудесный,
Я навек тебя лишен!
Лизой душу занимая,
Мне ли рифмы набирать?
Ах, где есть любовь прямая,
Там стихи не говорят!..

1816

ЭЛЕГИЯ I

Возьмите меч — я недостоин брани!
Сорвите лавр с чела — он страстью помрачен!
О боги Пафоса, окуйте мощны длани
И робким пленником в постыдный риньте
плен!
Я — ваш! И кто не воспылает!
Кому не пишется любовью приговор,
Как длинные она ресницы подымает,
И пышет страстью взор!
Когда харитой улыбнется,
Или в ночной тиши
Воздушным призраком несется,
Иль, непреклонная, над чувствами смеется
Обуреваемой души!
О вы, которые здесь прелестьми гордитесь!
Не вам уж более покорствует любовь,
Взгляните на нее и сердцем содрогнитесь:
Она — владычица и смертных и богов!
Ах, пусть бог Фракии мне срамом угрожает
И, потрясая лавр, манит еще к боям,
Воспитанник побед прах ног ее лобзает
И говорит *прости!* торжественным венкам...
Но кто сей юноша блаженный,
Который будет пить дыханье воспаленно
На тающих устах,

Познает мленье чувств в потупленных очах...
И на груди ее воздремлет утомленный?
Чего ему тогда останется желать?
Чего искать ему? — он всё уже имеет!
Он выше всех царей достоин восседать!
Он бог, пред коим мир, склонясь, благоговеет!

1814

ЭЛЕГИЯ II

Пусть бога-мстителя могучая рука
На теме острых скал, под вечными снегами
За ребра прикует чугунными цепями
Того, кто изобрел ревнивого замка
Закрепы звучные и тяжкими вратами,
За хладными стенами,
Красавиц заточил в презрении к богам!

Где ты, рожденная к восторгам, торжествам,
И к радостям сердец, и к счастью юной страсти,
Где ты скрываешься во цвете ранних лет,
Ты, дева горести, воспитанница бед,
Смиренная раба неутолимой власти!

Увижу ли тебя, услышу ль голос твой?
И долго ль в мрачности ночной
Мне с думой горестной, с душой осиротелой
Бродить вокруг обители твоей,
Угадывать окно, где ты томишься в ней,
Меж тем как снежный вихрь крути́т среди полей
И свищет резкий ветр в власах оледенелых!

Ах! может быть, к окну влекомая судьбой
Или предчувствием каким неизъяснимым,
Ты крадешься к нему, когда мучитель твой,
Стан гибкий обхватя, насильственной рукой
Бросает трепетну к подругам торопливым!

Восстань, о бог богов! Да пламенной рекой
Твой гнев жестокий и правдивый
Обрушится с небес на зданье горделиво,
Темницу адскую невинности младой;
И над строптивою преступника главой
Перуны ярые со треском разразятся!
Тот, кто осмелится бесчувственно касаться
До юных прелестей красавицы моей,
Тот в буйной дерзости своей
И лик священный твой повергнет раздробленный
И рушит алтари, тебе сооруженны!
А ты, любимица богов,
Ты бедствий не страшись — невидимый покров
Приосенит тебя от бури разъяренной,
Твой спутник — бог любви — стезею потаенной
Он провести прекрасную готов
От ложа горести до ложа наслажденья...

О, не чуждайся ты благого поученья
Бессмертного вождя! Учись во тьме ночной,
Как между стражами украдкой пробираться,
Как мягкою стопой чуть до́ полу касаться
И ощупью идти по лестнице крутой.
Дерзай! Я жду тебя, кипящий нетерпеньем!
Тебе ль, тебе ль платить обидным подозреньем
Владыке благ земных? Ты вспомни, сколько раз

От бдительных моих и ненасытных глаз
Твой аргус в трепетном смущеньи
Тебя с угрозой похищал
И тайным влек путем обратно в заточенье!..

Всё тщетно! Я ему стезю пересекал.
Крылатый проводник меня предупреждал
И путь указывал мне прежде неизвестный.
Решись без робости, о сердца друг прелестный!
Не медли: полночь бьет,
И угасающи лампады закурились,
И стражи грозные во мраке усыпились...
И руку бог любви прекрасной подает!

1814

ЭЛЕГИЯ III

О милый друг, оставь угадывать других
Предмет, сомнительный для них,
Тех песней пламенных, в которых, восхищенный,
Я прославлял любовь, любовью распаленный!
Пусть ищут, для кого я в лиру ударял,
Когда поэтов в хоре
Российской Терпсихоре
Восторги посвящал!
Но ты не в заблужденьи,
Кого в воображеньи
Я розами венчал,
Чьи длинные ресницы
Звук стройныя цевницы
Потомству предавал!
И мне ли огнь желанья
В других воспламенять,
Мне ль нового искать
В любви очарованья?
Я страстен лишь тобой!..
Под именем другой
Тебя лишь славят струны,
И для тебя одной
Бросаю в вражий строй
Разящие перуны!

Восторгом упоен,
Века предупреждаю
И, миртом осенен,
Бессмертие вкушаю.

1815

ЭЛЕГИЯ IV

В ужасах войны кровавой
Я опасности искал,
Я горел бессмертной славой,
Разрушением дышал;
И в безумстве упоенный
Чадом славы бранных дел,
Посреди грозы военной
Счастие найти хотел!..
Но, судьбой гонимый вечно,
Счастья нет! подумал я...
Друг мой милый, друг сердечный,
Я тогда не знал тебя!
Ах, пускай герой стремится
За блистательной мечтой
И через кровавый бой
Свежим лавром осенится...
О мой милый друг! с тобой
Не хочу высоких званий,
И мечты завоеваний
Не тревожат мой покой!
Но коль враг ожесточенный
Нам дерзнет противустать,
Первый долг мой, долг священный —
Вновь за родину восстать;

Друг твой в поле появи́тся,
Еще саблею блеснет,
Или в лаврах возвратится,
Иль на лаврах мертв падет!..
Полумертвый, не престану
Биться с храбрыми в ряду,
В память Лизу приведу...
Встрепенусь, забуду рану,
За тебя еще восстану
И другую смерть найду!

1816

ЭЛЕГИЯ V

Всё тихо! и заря багряною стопой
По синеве небес безмолвно пробежала...
И мгла, что гор хребты и рощи покрывала,
Волнуясь, стелется туманною рекой
По лугу пестрому и ниве молодой.
Блаженные часы! Весь мир в отдохновеньи!
Еще зефиры спят на дремлющих листах,
Еще пернатые покоятся в кустах,
И всё безмолвствует в моем уединеньи...

Но, боги! неужель вы с мира тишиной
И чувств души моей порывы усмирили?
Ужели и во мне господствует покой?..
    Уже, о счастие! не вижу пред собой
    Я призрак грозный, вечно милый,
Которого нигде мой взор не покидал...
    Нигде! ни в шумной сече боя,
Ни в бранных игрищах военного покоя!..

О ты, что я в тоске на помощь призывал,
Бесчувствие! о дар рассудка драгоценный,
    Ты, вняв мольбе моей смиренной,
Нисходишь наконец спасителем моим.

Я погибал... Тобой одним
Достигнул берега, и с мирныя вершины
Смотрю бестрепетно, грозою невредим,
На шумные валы бездонныя пучины!..

А ты, с кем некогда делился я душой,
И кем душа моя в мученьях истощилась...
Утешься: ты забыта мной!..
Но, ах, почто слезой ланита окропилась?
О слезы пламенны, теките! Я свои
Минуты радости от сих минут считаю
И вас не от любви,
Но от блаженства проливаю!

1816

ЭЛЕГИЯ VI

О ты, смущенная присутствием моим,
Спокойся: я бегу в пределы отдаленны!
Пусть избранный тобой вкушает дни блаженны,
Пока судьбой храним.
Но, ах! Не мысли ты, чтоб новые восторги
И спутник сча́стливый твоих весенних дней
Изгладили меня из памяти твоей!..
О, нет! Есть суд небес и справедливы боги!
Душевны радости, делимые со мной,
Воспоминания протекших упований
И сладкие часы забвенья и мечтаний,
И я, я сам явлюсь тревожить твой покой!
Но уж не в виде том, как в дни мои счастливы,
Когда — смущенный, торопливый —
Я плакал без укор, без гнева угрожал
И за вину твою — любовник боязливый —
Себе у ног твоих прощения искал!
Нет, нет! Явлюсь опять, но как посланник мщенья,
Но как каратель преступленья,
Свиреп, неумолим везде перед тобой:
И среди общества блистательного круга,
И средь семьи твоей, где ты цветешь душой,
В уединении, в объятиях супруга,

Везде, везде в твоих очах
Грозящим призраком, с упреком на устах!
Но нет!.. О, гнев меня к упрекам не принудит:
Чья мертвая душа тобой оживлена,
Тот благости твои век, век не позабудет!
Его богам молитва лишь одна·
Да будет сча́стлива она!..
Но вряд ли счастие твоим уделом будет!

1816

ЭЛЕГИЯ VII

Нет! полно пробегать с улыбкою любви
Перстами легкими цевницу золотую;
Пускай другой поет и радости свои,
И жизни сча́стливой подругу дорогую...
Я одинок — как цвет степей,
Когда, колеблемый грозой освирепелой,
Он клонится к земле главой осиротелой
И блекнет средь цветущих дней!
О боги, мне ль сносить измену надлежало!
Как я любил! — В те красные лета,
Когда к рассеянью всё сердце увлекало,
Везде одна мечта,
Одно желание меня одушевляло,
Всё чувство бытия лишь ей принадлежало!
О Лиза! сколько раз на марсовых полях,
Среди грозы боев я, презирая страх,
С воспламененною душою
Тебя, как бога, призывал
И в пыл сраженья мчал
Крылатые полки железною стеною!..
Кто понуждал меня, скажи,
От жизни радостной на жадну смерть
стремиться?
Одно, одно мечтание души,
Что славы луч моей на милой отразится,

Что, может быть, венок, приобретенный мной
В боях мечом нетерпеливым,
Покроет лавром горделивым
Чело стыдливое подруги молодой!
Не я ли, вдохновен, касался струн согласных
И пел прекрасную!.. Еще Москва полна
Моих, в стихах, восторгов страстных;
И если ты еще толпой окружена
Соперниц, завистью смущенных,
И милых юношей, любовью упоенных, —
Неблагодарная! не мне ль одолжена
Ты торжеством своим?.. Пусть пламень пожирает,
Пусть шумная волна навеки поглощает
Стихи, которыми я Лизу прославлял!..
Но нет! Изменницу весь мир давно узнал, —
Бессмертие ее уделом остается:
Забудут, что покой я ею потерял
И до конца веков, средь плесков и похвал,
Неверной имя пронесется!

А я? — Мой жребий пасть в боях
Мечом победы пораженным;
И, может быть, врагом влеченным на полях,
Чертить кремнистый путь челом окровавленным...
Так! Я паду в стране чужой,
Далёко родины, изгнанником невинным:
Никто не окропит холодный труп слезой...
И разбросает ветр мой прах с песком пустынным!

1817

ЭЛЕГИЯ VIII

О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов,
Зачем сей взгляд, зачем сей вздох глубокой,
Зачем скользит небережно покров
С плеч белых и с груди высокой?
О, пощади! Я гибну без того,
Я замираю, я немею
При легком шорохе прихода твоего;
Я, звуку слов твоих внимая, цепенею...
Но ты вошла... и дрожь любви,
И смерть, и жизнь, и бешенство желанья
Бегут по вспыхнувшей крови,
И разрывается дыханье!
С тобой летят, летят часы,
Язык безмолвствует... одни мечты и грезы,
И мука сладкая, и восхищенья слезы...
И взор впился в твои красы,
Как жадная пчела в листок весенней розы.

1817

ЭЛЕГИЯ IX

Два раза я вам руку жал;
Два раза молча вы любовию вздохнули, . .
И девственный огонь ланиты пробежал,
И в пламенной слезе ресницы потонули!
Неужто я любим? — Мой друг, мой юный друг,
О, усмири последним увереньем
Еще колеблемый сомненьем
Мой пылкий, беспокойный дух!
Скажи, что сердца ты познала цену мною,
Что первого к любви биения его
Я был виновником! .. Не надо ничего —
Ни рая, ни земли! Мой рай найду с тобою.
. . . .
Погибните навек, мечты предрассуждений,
И ты, причина заблуждений,
Чад упоительный и славы и побед!
В уединении спокойный домосед
И мирный семьянин, не постыжусь порою
Поднять смиренный плуг солдатскою рукою,
Иль, поселян в кругу, в день летний, золотой
Взмахнуть среди лугов железною косой.
Но с кем сравню себя, как, в поле утомленный,
Я возвращусь под кров, дубами осененный,

Увижу юную подругу пред собой
С плодами зрелыми, с водою ключевой
И с соком пенистым донского винограда.
Когда вечерние часы — трудов отрада
На ложе радости . . . .
. . . .
. . . .
Я часто говорю, печальный, сам с собою:
О, сбудется ль когда мечтаемое мною?
Иль я определен в мятежной жизни сей
Не слышать отзыва нигде душе моей!

1817(?)

ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД ИЗ ПАРНИ

Сижу на берегу потока,
Бор дремлет в сумраке; всё спит вокруг, а я
Сижу на берегу — и мыслию далеко,
Там, там... где жизнь моя!..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока,
Снедаем ревностью, задумчив, молчалив...
Не торжествуй еще, о ты, любимец рока!
Ты счастлив — но я жив ..
И меч в руке моей мутит струи потока.

Сижу на берегу потока...
Вздохнешь ли ты о нем, о друг, неверный друг...
И точно ль он любим? — ах, эта мысль жестока!..
Кипит отмщеньем дух,
И меч в руке моей мутит струи потока.

1817

НЕВЕРНОЙ

Неужто думаете вы,
Что я слезами обливаюсь,
Как бешеный кричу: *увы!*
И от измены изменяюсь?
Я — тот же атеист в любви,
Как был и буду, уверяю;
И чем рвать волосы свои,
Я ваши — к вам же отсылаю.
А чтоб впоследствии не быть
Перед наследником в ответе,
Все ваши клятвы *век любить* —
Ему послал по эстафете.
Простите! Право, виноват!
Но если б знали, как я рад
Моей отставке благодатной!
Теперь спокойно ночи сплю,
Спокойно ем, спокойно пью
И посреди собратьи ратной
Вновь славу и вино пою.
Чем чахнуть от любви унылой,
Ах, что здоровей может быть,
Как подписать отставку милой
Или отставку получить!

1817

НА МОНУМЕНТ ПОЖАРСКОГО

Так правосудная Россия награждает!
О зависть, содрогнись, сколь бренен твой
оплот!
Пожарский оживает —
Смоленский оживет!

1817

ПЕСНЯ СТАРОГО ГУСАРА

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

Деды, помню вас и я,
Испивающих ковшами
И сидящих вкруг огня
С красно-сизыми носами!

На затылке кивера,
Доломаны до колена,
Сабли, ташки у бедра,
И диваном — кипа сена.

Трубки черные в зубах;
Все безмолвны, дым гуляет
На закрученных висках
И усы перебегает.

Ни полслова... Дым столбом...
Ни полслова... Все мертвецки
Пьют и, преклонясь челом,
Засыпают молодецки.

Но едва проглянет день,
Каждый по́ полю порхает;
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.

Конь кипит под седоком,
Сабля свищет, враг вали́тся...
Бой умолк, и вечерком
Снова ковшик шевелится.

А теперь что́ вижу? — Страх!
И гусары в модном свете,
В виц-мундирах, в башмаках,
Вальсируют на паркете!

Говорят: умней они...
Но что слышим от любого?
Жомини да Жомини!
А об водке — ни полслова!

Где друзья минувших лет,
Где гусары коренные,
Председатели бесед,
Собутыльники седые?

1817

ЛОГИКА ПЬЯНОГО

Под вечерок Хрунóв из кабачка *Совы,*
Бог ведает куда, по стенке пробирался;
Шел, шел и рухнулся. Народ расхохотался.
Чему бы, кажется? Но люди таковы!
Однако ж кто-то из толпы —
Почтенный человек! — помог ему подняться,
И говорит: «Дружок, чтоб впредь
не спотыкаться,
Тебе не надо пить. . .» —
«Эх, братец! всё не то: не надо мне ходить!»

1817

РЕШИТЕЛЬНЫЙ ВЕЧЕР

Сегодня вечером увижусь я с тобою,
Сегодня вечером решится жребий мой,
Сегодня получу желаемое мною —
Иль абшид на покой!

А завтра — черт возьми! — как зюзя натянуся,
На тройке ухарской стрелою полечу;
Проспавшись до Твери, в Твери опять напьюся,
И пьяный в Петербург на пьянство прискачу!

Но если счастие назначено судьбою
Тому, кто целый век со счастьем незнаком,
Тогда... о, и тогда напьюсь свинья-свиньею
И с радости пропью прогоны с кошельком!

1818 (?)

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ КНЯЗЯ ПЕТРА ИВАНОВИЧА БАГРАТИОНА

Где Клии взять перо писать его дела? —
У Славы из крыла.

1810-е годы

Как будто Диоген, с зажженным фонарем
Я пó свету бродил, искавши человека,
И, сильно утвердясь в намереньи моем,
В столицах потерял я лучшую часть века.
Судей, подьячих я, сенаторов нашел,
Вельмож, министров, прокуроров,
Нашел людей я разных сборов —
Фонарь мой всё горел.
Но, встретившись с тобой, я вздрогнул,
удивился —
Фонарь упал из рук, но, ах! .. не погасился.

1810-е годы

БОГОМОЛКА

Кто знает нашу богомолку,
Тот с ней узнал наедине,
Что взор плутовки втихомолку
Поет акафист сатане.

Как сладко с ней играть глазами,
Ниц падая перед крестом,
И окаянными словами
Перерывать ее псалом!

О, как люблю ее ворчанье:
На языке ее всегда
Отказ идет как обещанье —
Нет на словах, на деле *да*.

И, грешница, всегда сначала
Она завóпит горячо:
«О, варвар! изверг! я пропала!»,
А после: «Милый друг, еще. . .»

Конец 1810-х или начало 1820-х годов

ЛИСТОК

Листок иссохший, одинокой,
Пролетный гость степи широкой,
Куда твой путь, голубчик мой? —
«Как знать мне! Налетели тучи,
И дуб родимый, дуб могучий
Сломили вихрем и грозой.
С тех пор, игралище Борея,
Не сетуя и не робея,
Ношусь я, странник кочевой,
Из края в край земли чужой;
Несусь, куда несет суровый,
Всему неизбежимый рок,
Куда летит и лист лавровый
И легкий розовый листок!»

Конец 1810-х или начало 1820-х годов

ГУСАР

Напрасно думаете вы,
Чтобы гусар, питомец славы,
Любил лишь только бой кровавый
И был отступником любви.
Амур не вечно пастушком
В свирель без умолка играет:
Он часто, скучив посошком,
С гусарской саблею гуляет;
Он часто храбрости огонь
Любовным пламенем питает —
И тем милей бывает он!
Он часто с грозным барабаном
Мешает звук любовных слов;
Он так и нам под доломаном
Вселяет зверство и любовь.
В нас сердце не всегда желает
Услышать стон, увидеть бой...
Ах, часто и гусар вздыхает,
И в кивере его весной
Голубка гнездышко свивает...

1822

ЭПИТАФИЯ

Под камнем сим лежит Мосальский тощий,
Он весь был в *немощи:* теперь попал он
в *мощи.*

1822

ВЕЧЕР В ИЮНЕ

Томительный, палящий день
Сгорел; полупрозрачна тень
Немого сумрака приосеняла дали,
Зарницы бегали за синею горой
И, окропленные росой,
Луга и лес благоухали.
Луна во всей красе плыла на высоту,
Таинственным лучом мечтания питая,
И, преклонясь к лавровому кусту,
Дышала роза молодая.

1826

ОТВЕТ

Я не поэт, я — партизан, казак.
Я иногда бывал на Пинде, но наскоком,
И беззаботно, кое-как,
Раскидывал перед Кастальским током
Мой независимый бивак.
Нет, не наезднику пристало
Петь, в креслах развалясь, лень, негу
и покой...
Пусть грянет Русь военною грозой —
Я в этой песни запевало!

1826

ГЕНЕРАЛАМ, ТАНЦУЮЩИМ НА БАЛЕ ПРИ ОТЪЕЗДЕ МОЕМ НА ВОЙНУ 1826 ГОДА

Мы несем едино бремя,
Только жребий наш иной:
Вы оставлены на племя,
Я назначен на убой.

1826

ТОВАРИЩУ 1812 ГОДА, НА ПУТИ В АРМИЮ

Мы оба в дальний путь летим, товарищ мой,
Туда, где бой кипит, где русский штык бушует,
Но о тебе любовь горюет...
Счастливец! о тебе — я видел сам — тоской
Заныли... влажный взор стремился за тобой;
А обо мне хотя б вздохнули,
Хотя б в окошечко взглянули,
Как я на тройке проскакал
И, позабыв покой и негу,
В курьерску завалясь телегу,
Гусарские усы слезами обливал.

1826

ТОСТ НА ОБЕДЕ ДОНЦОВ

Брызни искрами из плена,
Радость, жизнь донских холмов!
Окропи, моя любовь,
Черный ус мой белой пеной!
Друг народа удалого,
Я стакан с широким дном
Осушу одним глотком
В славу воинства донского!

Здравствуйте, братцы атаманы-молодцы!

1826

ПАРТИЗАН

Отрывок

Умолкнул бой. Ночная тень
Москвы окрестность покрывает;
Вдали Кутузова курень
Один, как звездочка, сверкает.
Громада войск во тьме кипит,
И над пылающей Москвою
Багрово зарево лежит
Необозримой полосою.

И мчится тайною тропой
Воспрянувший с долины битвы
Наездников веселый рой
На отдаленные ловитвы.
Как стая алчущих волков,
Они долинами витают:
То внемлют шороху, то вновь
Безмолвно рыскать продолжают.

Начальник, в бурке на плечах,
В косматой шапке кабардинской,
Горит в передовых рядах
Особой яростью воинской.
Сын белокаменной Москвы,

Но рано брошенный в тревоги,
Он жаждет сечи и молвы,
А там что будет — вольны боги!

Давно незнаем им покой,
Привет родни, взор девы нежный;
Его любовь — кровавый бой,
Родня — донцы, друг — конь надежный.
Он чрез стремнины, чрез холмы
Отважно всадника проносит,
То чутко шевелит ушьми,
То фыркает, то у́дил просит.

Еще их скок приметен был
На высях за преградной Нарой,
Златимых отблеском пожара,
Но скоро буйный рой за высь перекатил,
И скоро след его простыл. . .

. . . .
. . . .
. . . .

1826

ПОЛУ-СОЛДАТ

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой!

Вы видели: я не боюсь
Ни пуль, ни дротика куртинца;
Лечу стремглав, не дуя в ус,
На нож и шашку кабардинца.

Всё так! Но прекратился бой,
Холмы усыпались огнями,
И хохот обуял толпой,
И клики вторятся горами,

И всё кипит, и всё гремит;
А я, меж вами одинокой,
Немою грустию убит,
Душой и мыслию далеко.

Я не внимаю стуку чаш
И спорам вкруг солдатской каши;
Улыбки нет на хохот ваш;
Нет взгляда на проказы ваши!

Таков ли был я в век златой
На буйной Висле, на Балкане,
На Эльбе, на войне родной,
На льдах Торнео, на Секване?

Бывало, слово: *друг, явись!*
И уж Денис с коня слезает;
Лишь чашей стукнут — и Денис
Как тут — и чашу осушает.

На скачку, на борьбу готов,
И, чтимый *выродком* глупцами,
Он, расточитель острых слов,
Им хлещет прозой и стихами.

Иль в карты бьется до утра,
Раскинувшись на горской бурке;
Или вкруг светлого костра
Танцует с девками мазурки.

Нет, братцы, нет: полу-солдат
Тот, у кого есть печь с лежанкой,
Жена, полдюжины ребят,
Да щи, да чарка с запеканкой! —

Так говорил наездник наш,
Оторванный судьбы веленьем
От крова мирного — в шалаш,
На сечи, к пламенным сраженьям.

Аракс шумит, Аракс шумит,
Араксу вторит ключ нагорный,

И Алагёз,[1] нахмурясь, спит,
И тонет в влаге дол узорный;
И веет с пурпурных садов
Зефир восточным ароматом,
И сквозь сребристых облаков
Луна плывет над Араратом.

Но воин наш не упоен
Ночною роскошью полуденного края...
С Кавказа глаз не сводит он,
Где подпирает небосклон
Казбека[2] груда снеговая...
На нем знакомый вихрь, на нем громады льда,
И над челом его, в тумане мутном,
Как Русь святая, недоступном,
Горит родимая звезда.

1826

---

[1] Заоблачная гора, на границе Эриванской области.
[2] Одна из высочайших гор Кавказского хребта.

НА СМЕРТЬ NN

Гонители, он — ваш! Вам плески и хвала!
Терзайте клеветой его дела земные,
Но не сорвать венка вам с славного чела,
Но не стереть с груди вам раны боевые!

1827

ПРИ ВИДЕ МОСКВЫ, ВОЗВРАЩАЯСЬ С ПЕРСИДСКОЙ ВОЙНЫ

О юности моей гостеприимный кров!
О колыбель надежд и грез честолюбивых!
О, кто, кто из твоих сынов
Зрел без восторгов горделивых
Красу реки твоей, волшебных берегов,
Твоих палат, твоих садов,
Твоих холмов красноречивых!

1827

ЗАЙЦЕВСКОМУ, ПОЭТУ-МОРЯКУ

Счастливый Зайцевский, Поэт и Герой!
Позволь хлебопашцу-гусару
Пожать тебе руку солдатской рукой
И в честь тебе высушить чару.
О, сколько ты славы готовишь России,
Дитя удалое свободной стихии!

Лавр первый из длани камены младой
Ты взял на парнасских вершинах;
Ты, собственной кровью омытый, другой
Сорвал на гремящих твердынях;
И к третьему, с лаской вдали колыхая,
Тебя призывает пучина морская.

Мужайся! — Казарский, живой Леонид,
Ждет друга на новый пир славы...
О, будьте вы оба Отечества щит,
Перун вековечной Державы!
И гимны победы с ладей окриленных
Пусть искрами брызнут от струн
вдохновенных!

Давно ль под мечами, в пылу батарей,
И я попирал дол кровавый,
И я в сонме храбрых, у шумных огней,
Наш стан оглашал песнью славы?..
Давно ль... Но забвеньем судьба меня губит,
И лира немеет, и сабля не рубит.

1828

БОРОДИНСКОЕ ПОЛЕ

Элегия

Умолкшие холмы, дол некогда кровавый,
Отдайте мне ваш день, день вековечной славы,
И шум оружия, и сечи, и борьбу!
Мой меч из рук моих упал. Мою судьбу
Попрали сильные. Счастливцы горделивы
Невольным пахарем влекут меня на нивы...
О, ринь меня на бой, ты, опытный в боях,
Ты, голосом своим рождающий в полках
Погибели врагов предчувственные клики,
Вождь Гомерический, Багратион великий!
Простри мне длань свою, Раевский, мой герой!
Ермолов! я лечу — веди меня, я твой:
О, обреченный быть побед любимым сыном,
Покрой меня, покрой твоих перунов дымом!

Но где вы?.. Слушаю... Нет отзыва! С полей
Умчался брани дым, не слышен стук мечей,
И я, питомец ваш, склонясь главой у плуга,
Завидую костям соратника иль друга.

1829

С. А. К<УШКИ>НОЙ

Вы личиком — пафосский бог,
Вы молоды, вы стройны, как Аглая,
Но я гусар... я б вас любить не мог,
Простите: *для меня вы слишком неземная!*
К вам светской страстью,
как к другой,
Гореть грешно! — С восторженной душой
Мы вам, как божеству, несем кадил куренье,
Обеты чистые, и гимны, и моленье!

1829

ДУШЕНЬКА

Она еще не менее хороша для глаз, все обнимающих во мгновении и на мгновение, — как для души, которая чем больше ищет, тем более находит.

Жуковский

Бывали ль вы в стране чудес,
Где, жертвой грозного веленья,
В глуши земного заточенья
Живет изгнанница небес?

Я был, я видел божество;
Я пел ей песнь с восторгом новым
И осенил венком лавровым
Ее высокое чело.

Я, как младенец, трепетал
У ног ее в уничиженьи
И омрачить богослуженье
Преступной мыслью не дерзал.

Ах, мне ль божественной к стопам
Несть обольщения искусство?
Я весь был гимн, я весь был чувство,
Я весь был чистый фимиам.

И что́ ей наш земной восторг,
Слова любви? — Пустые звуки!
Она чужда сердечной муки,
Чужда томительных тревог.

Из-под ресниц ее густых
Горит и гаснет взор стыдливый...
Но отчего души порывы
И вздохи персей молодых?

Был миг: пролетная мечта
Скользнула по челу прекрасной,
И вспыхнули ланиты страстно,
И загорелися уста.

Но это миг — игра одна
Каких-то дум... воспоминанье
О том небесном обитанье,
Откуда изгнана она.

Иль, скучась без нее, с небес
Воздушный гость, незримый мною,
Амур с повинной головою
Предстал, немеющий от слез.

И очи он возвел к очам
И пробудил в груди волненья
От жарких уст прикосновенья
К ее трепещущим устам.

1829

NN

Вы хороши! — Каштановой волной
Ваш локон падает на свежие ланиты;
Как мил ваш взор полузакрытый,
Как мил ваш стан полунагой!
Не вы ль оригинал живой
Очаровательной хариты,
Канóвы созданной рукой?
Вы хороши! — Но мой покой
Неколебим. Осанка величава,
Жеманная тоска искусственной любви
Не страшны мне: моя отрава —
Взор вдохновительный и слово от души.
Я их ищу давно, давно не обретая.
Вам не сродни крылатый бог:
Жизнь ваша — стрелка часовая,
Арифметический *итог.*
Но та, которую люблю, не называя...
Ах! та вся — чувство,
вся — восторг,
Как Пи́ндара строфа живая!

1829

ГЕРОЮ БИТВ, БИВАКОВ, ТРАКТИРОВ И Б...

Люблю тебя, как сабли лоск,
Когда, приосенясь фуражкой,
С виноточивою баклажкой
Идешь в бивачный мой киоск;

Когда, летая по рядам,
Горишь, как свечка, в дыме бранном;
Когда в б... окаянном
Ты лупишь сводню по щекам.

Киплю, любуясь на тебя,
Глядя на прыть твою младую:
Так старый хрыч, цыган Илья,
Глядит на пляску удалую,
Под лад плечами шевеля.

О рыцарь! идол усачей!
Гордись пороками своими!
Чаруй с гусарами лихими
И *очаровывай* б...!

Конец 1820-х или начало 1830-х годов

ГОЛОДНЫЙ ПЕС

Ох, как храбрится
Немецкий фон,
Как горячится
Наш херр-барон.
Ну, вот и драка,
Вот лавров воз!
Хватай, собака,
Голодный пес.

Кипят и рдеют
На бой полки;
Знамена веют,
Горят штыки,
И забияка
Палаш вознес!
Хватай, собака,
Голодный пес.

Адрианополь
Без битв у ног,
Константинополь
В чаду тревог.
Что ж ты, зевака,
Повесил нос?

Хватай, собака,
Голодный пес.

Лях из Варшавы
Нам кажет шиш,
Что ж ты, шаршавый,
Под лавкой спишь?
Задай, лаяка,
Варшаве чёс!
Хватай, собака,
Голодный пес.

«Всё это жжется...
Я брать привык,
Что так дается...
Царь-град велик.
Боюсь я ляха!..»
А ты не бось!
Хватай, собака,
Российский пес.

Так вот кресченды
Звезд, лент, крестов,
Две-три аренды,
Пять-шесть чинов;
На шнапс, гуляка,
Вот денег воз!
Схватил собака,
Голодный пес.

1832

ГУСАРСКАЯ ИСПОВЕДЬ

Я каюсь! я гусар давно, всегда гусар,
И с проседью усов — всё раб младой привычки:
Люблю разгульный шум, умов, речей пожар
И громогласные шампанского оттычки.
От юности моей враг чопорных утех, —
Мне душно на пирах без воли и распашки.
Давай мне хор цыган! Давай мне спор и смех,
И дым столбом от трубочной *затяжки!*

Бегу век сборища, где жизнь в одних ногах,
Где благосклонности передаются весом,
Где откровенность в кандалах,
Где тело и душа под прессом;
Где спесь да подлости, вельможа да холоп,
Где заслоняют нам вихрь танца эполеты,
Где под подушками потеет столько. . .,
Где столько пуз затянуто в корсеты!

Но не скажу, чтобы в безумный день
Не погрешил и я, не посетил круг модный;
Чтоб не искал присесть под благодатну тень
Рассказчицы и сплетницы дородной;
Чтоб схватки с остряком бонтонным убегал,

Или сквозь локоны ланиты воспаленной
Я б шепотом любовь не напевал
Красавице, мазуркой утомленной.

Но то — набег, наскок; я миг ему даю,
И торжествуют вновь любимые привычки!
И я спешу в мою гусарскую семью,
Где хлопают еще шампанского оттычки.
Долой, долой крючки, от глотки до пупа!
Где трубки?.. Вейся, дым, на удалом
раздолье!
Роскошествуй, веселая толпа,
В живом и братском своеволье!

1832

NN

Вошла — как Психея, томна и стыдлива,
Как юная пери, стройна и красива...
И шепот восторга бежит по устам,
И крестятся ведьмы, и тошно чертям!

1833

ЕЙ

В тебе, в тебе одной природа, не искусство,
Ум обольстительный с душевной простотой,
Веселость резвая с мечтательной душой,
И в каждом слове мысль, и в каждом взоре
чувство!

1833

ВАЛЬС

Ев. Д. З<олотаре>вой

Кипит поток в дубраве шумной
И мчится скачущей волной,
И катит в ярости безумной
Песок и камень вековой.
Но, покорен красой невольно,
Колышет ласково поток
Слетевший с берега на волны
Весенний, розовый листок.
Так бурей вальса не сокрыта,
Так от толпы отличена,
Летит воздушна и стройна
Моя любовь, моя харита,
Виновница тоски моей,
Моих мечтаний, вдохновений,
И поэтических волнений,
И поэтических страстей!

1834

О, кто, скажи ты мне, кто ты,
Виновница моей мучительной мечты?
Скажи мне, кто же ты? — Мой ангел ли
хранитель
Иль злобный гений-разрушитель
Всех радостей моих? — Не знаю, но я твой!
Ты смяла на главе венок мой боевой,
Ты из души моей изгнала жажду славы,
И грезы гордые, и думы величавы.
Я не хочу войны, я разлюбил войну, —
Я в мыслях, я в душе храню тебя одну.
Ты сердцу моему нужна для трепетанья,
Как свет очам моим, как воздух для дыханья.
Ах! чтоб без трепета, без ропота терпеть
Разгневанной судьбы и грозы и волненья,
Мне надо на тебя глядеть, всегда глядеть,
Глядеть без устали, как на звезду спасенья!
Уходишь ты — и за тобою вслед
Стремится мысль, душа несется,
И стынет кровь, и жизни нет!..
Но только что во мне твой шорох отзовется,
Я жизни чувствую прилив, я вижу свет,
И возвращается душа, и сердце бьется!..

1834

РОМАНС

Не пробуждай, не пробуждай
Моих безумств и исступлений,
И мимолетных сновидений
Не возвращай, не возвращай!

Не повторяй мне имя той,
Которой память — мука жизни,
Как на чужбине песнь отчизны
Изгнаннику земли родной.

Не воскрешай, не воскрешай
Меня забывшие напасти,
Дай отдохнуть тревогам страсти
И ран живых не раздражай.

Иль нет! Сорви покров долой!..
Мне легче горя своеволье,
Чем ложное холоднокровье,
Чем мой обманчивый покой.

1834

Я вас люблю так, как любить вас
должно:
Наперекор судьбы и сплетней городских,
Наперекор, быть может, вас самих,
Томящих жизнь мою жестоко и безбожно.
Я вас люблю не оттого, что вы
Прекрасней всех, что стан ваш негой дышит,
Уста роскошствуют и взор востоком пышет,
Что вы — поэзия от ног до головы!
Я вас люблю без страха, опасенья
Ни неба, ни земли, ни Пензы, ни Москвы, —
Я мог бы вас любить глухим, лишенным
зренья...
Я вас люблю затем, что это — *вы!*
На право вас любить не прибегу к пашпóрту
Иссохших завистью жеманниц отставных:
Давно с почтением я умоляю их
Не заниматься мной и убираться к черту!

1834

НА ГОЛОС РУССКОЙ ПЕСНИ

Я люблю тебя, без ума люблю!
О тебе одной думы думаю,
При тебе одной сердце чувствую,
Моя милая, моя душечка.

Ты взгляни, молю, на тоску мою
И улыбкою, взглядом ласковым
Успокой меня, беспокойного,
Осчастливь меня, несчастливого.

Если жребий мой умереть тоской, --
Я умру, любовь проклинаючи,
Но и в смертный час воздыхаючи
О тебе, мой друг, моя душечка!

1834

ПОСЛЕ РАЗЛУКИ

Когда я повстречал красавицу мою,
Которую любил, которую люблю,
Чьей власти избежать я льстил себя
обманом, —
Я обомлел! Так, случаем нежданным,
Гуляющий на воле удалец —
Встречается солдат-беглец
С своим безбожным капитаном.

1834

И МОЯ ЗВЕЗДОЧКА

Море воет, море стонет,
И во мраке, одинок,
Поглощен волною, тонет
Мой заносчивый челнок.

Но, счастливец, пред собою
Вижу звездочку мою —
И покоен я душою,
И беспечно я пою:

«Молодая, золотая
Предвещательница дня,
При тебе беда земная
Недоступна до меня.

Но сокрой за бурной мглою
Ты сияние свое —
И сокроется с тобою
Провидение мое!»

1834

РЕЧКА

Давно ли, речка голубая,
Давно ли, ласковой волной
Мой челн привольно колыхая,
Владела ты, источник рая,
Моей блуждающей судьбой!

Давно ль с беспечностию милой
В благоуханных берегах
Ты влагу ясную катила
И отражать меня любила
В своих задумчивых струях!..

Теперь, печально пробегая,
Ты стонешь в сумрачной тиши,
Как стонет дева молодая,
Пролетный призрак обнимая
Своей тоскующей души.

Увы! твой ропот заунывный
Понятен мне, он — ропот мой;
И я пою последни гимны
И твой поток гостеприимный
Кроплю прощальною слезой.

Наутро пурпурной зарею
Запышет небо, — берега
Блеснут одеждой золотою,
И благотворною росою
Закаплют рощи и луга.

Но вод твоих на лоне мутном
Всё будет пусто! .. лишь порой,
Носясь полетом бесприютным,
Их гостем посетит минутным
Журавль, пустынник кочевой.

О, где тогда, осиротелый,
Где буду я! К каким стрaнáм,
В какие чуждые пределы
Мчать будет гордо парус смелый
Мой челн по скачущим волнам!

Но где б я ни был, сердца дани —
Тебе одной. Чрез даль морей
Я на крылах воспоминаний
Явлюсь к тебе, приют мечтаний,
И мук, и благ души моей!

Явлюсь, весь в думу превращенный,
На берега твоих зыбей,
В обитель девы незабвенной,
И тихо, странник потаенный,
Невидимым приникну к ней.

И, неподвластный злым укорам,
Я облеку ее собой,

Упьюсь ее стыдливым взором,
И вдохновенным разговором,
И гармонической красой;

Ее, чья прелесть — увлеченье!
Светла, небесна и чиста,
Как чувство ангела в моленье,
Как херувима сновиденье,
Как юной грации мечта!

1834

25 ОКТЯБРЯ

Я не ропщу. Я вознесен судьбою
Превыше всех! — Я счастлив, я любим!
Приветливость даруется тобою
    Соперникам моим...
Но теплота души, но всё, что так люблю я
    С тобой наедине...
Но девственность живого поцелуя...
    Не им, а мне!

1834

ЗАПИСКА, ПОСЛАННАЯ НА БАЛЕ

Тебе легко — ты весела,
Ты радостна, как утро мая,
Ты ре́звишься, не вспоминая,
Какую клятву мне дала...
Ты пра́ва. Как от упоенья,
В чаду кадильниц, не забыть
Обет, который, может быть,
Ты бросила от нетерпенья.
А я? — Я жалуюсь безжалостной судьбе;
Я плачу, как дитя, приникнув к изголовью,
Мечусь по ложу сна, терзаемый любовью,
И мыслю о тебе... и об одной тебе!

1834

Что́ пользы мне в твоем совете,
Когда я съединил и пламенно люблю
Весь божий мир в одном предмете,
В едином чувстве — жизнь мою!

1834

В былые времена она меня любила
И тайно обо мне подругам говорила,
Смущенная и очи опустя,
Как перед матерью виновное дитя.
Ей нравился мой стих, порывистый, несвязный,
Стих безыскусственный, но жгучий и живой,
И чувств расстроенных язык разнообразный,
И упоенный взгляд любовью и тоской.
Она внимала мне, она ко мне ласкалась,
Унылая и думою полна,
Иль, ободренная, как ангел, улыбалась
Надеждам и мечтам обманчивого сна...
И долгий взор ее из-под ресниц стыдливых
Бежал струей любви и мягко упадал
Мне нá душу — и на устах пылал
Готовый поцелуй для уст нетерпеливых...
. . . .
. . . .

1834 или 1835

Унеслись невозвратимые
Дни тревог и милых бурь,
И мечты мои любимые,
И небес моих лазурь.

. . . .

Не глядит она, печальная,
На пролет надежд моих,
Не дрожит слеза прощальная
На ресницах молодых!

1834 или 1835

РОМАНС

Жестокий друг, за что мученье?
Зачем приманка милых слов?
Зачем в глазах твоих любовь,
А в сердце гнев и нетерпенье?
Но будь покойна только ты,
А я, на горе обреченный,
Я оставляю все мечты
Моей души развороженной...

И этот край очарованья,
Где столько был судьбой гоним,
Где я любил, не быв любим,
Где я страдал без сострađанья,
Где так жестоко испытал
Неверность клятв и обещаний, —
И где никто не понимал
Моей души глухих рыданий!

1934 или 1835

Я помню — глубо́ко,
Глубоко мой взор,
Как луч, проникал и рощи, и бор,
И степь обнимал широко, широко...

Но, зоркие очи,
Потухли и вы...
Я выглядел вас на деву любви,
Я выплакал вас в бессонные ночи!

1836

ВЫЗДОРОВЛЕНИЕ

Прошла борьба моих страстей,
Болезнь души моей мятежной,
И призрак пламенных ночей
Неотразимый, неизбежный,
И милые тревоги милых дней,
И языка несвязный лепет,
И сердца судорожный трепет,
И смерть и жизнь при встрече с ней...
Исчезло всё! — Покой желанный
У изголовия сидит...
Но каплет кровь еще из раны,
И грудь усталая и ноет и болит!

1836

ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН

Вечерний звон, вечерний звон, —
Как много дум наводит он!
Не тот, что на закате дня
Гудит в стенах монастыря,
Но тот, что пасмурной порой
Поется девой молодой...
Вечерний звон, вечерний звон, —
Как много дум наводит он!

Как он мучителен и мил!
Как он мне чувства возмутил,
Когда впервые звук его
Коснулся слуха моего!..
То был не звук, но глас страстей,
То говор был с душой моей!
Вечерний звон, вечерний звон, —
Как много дум наводит он!

Всё вторило в природе ей:
Луна средь облачных зыбей,
Пустыня в сумрачной тиши,
И ропот девственной души,

Терзаемой любви тоской,
И очи, полные слезой!..
Вечерний звон, вечерний звон, —
Как много дум наводит он!

1830-е годы

ЭПИГРАММЫ

Меринос собакой стал, —
Он нахальствует не к роже,
Он сейчас народ прохожий
Затолкал и забодал.
Сторож, что ж ты оплошал?
Подойди к барану прямо,
Подцепи его на крюк
И прижги ему курдюк
Раскаленной эпиграммой!

УЧЕНЫЙ РАЗГОВОР

«О ты, убивший жизнь в ученом кабинете,
Скажи мне: сколько чуд считается на свете?»
— «Семь». — «Нет: осьмое — ты, педант мой дорогой;
Девятое — твой нос, нос сизо-красноватый,
Что, так спесиво приподнятый,
Стоит, украшенный табачною ноздрей!»

Нет, кажется, тебе не суждено
Сразить врага; твой враг — детина чудный;
В нем совесть спит спокойно, непробудно.
Заставить бестию *стыдиться* — мудрено...
Заставить *покраснеть* — не трудно!

1836

ЧЕЛОБИТНАЯ

Башилову

В дни былые сорванец,
Весельчак и веселитель,
А теперь Москвы строитель,
И сенатор, и делец,
О мой давний покровитель,
Сохрани меня, отец,
От соседства шумной тучи
Полицейской саранчи,
И торчащей каланчи,
И пожарных труб и крючий.
То есть, попросту сказать:
Помоги в казну продать
За сто тысяч дом богатый,
Величавые палаты,
Мой пречистенский дворец.
Тесен он для партизана:
Сотоварищ урагана,
Я люблю, казак-боец,
Дом без окон, без крылец,
Без дверей и стен кирпичных,
Дом разгулов безграничных
И налетов удалых,

Где могу гостей моих
Принимать картечью в ухо,
Пулей в лоб иль пикой в брюхо.
Друг, вот истинный мой дом!
Он везде, — но скучно в нем;
Нет гостей для угощенья.
Подожду... а ты пока
Вникни в просьбу казака
И уважь его моленье.

1836

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Был век бурный, дивный век,
Громкий, величавый;
Был огромный человек,
Расточитель славы.

То был век богатырей!
Но смешались шашки,
И полезли из щелей
Мошки да букашки.

Всякий маменькин сынок,
Всякий обирала,
Модных бредней дурачок,
Корчит либерала.

Деспотизма сопостат,
Равенства оратор, —
Вздулся, слеп и бородат,
Гордый регистратор.

Томы Тьера и Рабó
Он на память знает
И, как ярый Мирабо,
Вольность прославляет.

А глядишь: наш Мирабо
Старого Гаврило
За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.

А глядишь: наш Лафает,
Брут или Фабриций
Мужиков под пресс кладет
Вместе с свекловицей.

Фраз журнальных лексикон,
Прапорщик в отставке,
Для него Наполеон —
Вроде бородавки.

Для него славнее бой
Карбонаров бледных,
Чем когда наш шар земной
От громов победных

Колыхался и дрожал
И народ, в смятенье,
Ниц упавши, ожидал
Мира разрушенье.

Что ж? — Быть может, наш герой
Утомил свой гений
И заботой боевой,
И огнем сражений?..

Нет, он в битвах не бывал —
Шаркал по гостиным

И по плацу выступал
Шагом журавлиным.

Что ж? — Быть может, он богат
Счастьем семьянина,
Заменя блистанье лат
Тогой гражданина?..

Нет, нахально подбочась,
Он по дачам рыщет
И в театрах, развалясь,
Всё шипит да свищет.

Что ж? — Быть может, старины
Он бежал приманок?
Звезды, ленты и чины
Пре́зрел спозаранок?

Нет, мудрец не разрывал
С честолюбьем дружбы
И теперь бы крестик взял...
Только чтоб без службы.

Вот гостиная в лучах:
Свечи да кенкеты,
На столе и на софах
Кипами газеты;

И превыспренний конгресс
Двух графинь оглохших
И двух жалких баронесс,
Чопорных и тощих;

Всё исчадие греха,
Страстное новинкой;
Заговорщица-блоха
С мухой-якобинкой;

И козявка-егоза —
Девка пожилая,
И рябая стрекоза —
Сплетня записная;

И в очках сухой паук —
Длинный лазарони,
И в очках плюгавый жук —
Разноситель вони;

И комар, студент хромой,
В кучерской прическе,
И сверчок, крикун ночной,
Друг Крылова Моськи;

И мурашка-филантроп,
И червяк голодный,
И Филипп Филиппыч-клоп,
Муж... женоподобный, —

Все вокруг стола — и скок
В кипеть совещанья
Утопист, идеоло́г,
Президент собранья,

Старых барынь духовни́к,
Маленький аббатик.

Что в гостиных бить привык
В маленький набатик.

Все кричат ему привет
С аханьем и писком,
А он важно им в ответ:
Dominus vobiscum! [1]

И раздолье языкам!
И уж тут не шутка!
И народам и царям —
Всем приходит жутко!

Всё, что есть, — всё в пыль и прах!
Всё, что процветает, —
С корнем вон! — Ареопаг
Так определяет.

И жужжит он, полн грозой,
Царства низвергая...
А России — боже мой! —
Таска... да какая!

И весь размежеван свет
Без войны и драки!
И России уже нет,
И в Москве поляки!

Но назло врагам она
Всё живет и дышит.

---

[1] Господь с вами! (лат.). — *Ред.*

И могуча, и грозна,
И здоровьем пышет.

Насекомых болтовни
Внятием не тешит,
Да и место, где они,
Даже не почешет.

А когда во время сна
Моль иль таракашка
Заползет ей в нос, — она
Чхнет — и вон букашка!

1836

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Давыдов, пламенный боец,
Он вихрем в бой кровавый;
Он в мире сча́стливый певец
Вина, любви и славы.

1812

В. Жуковский

К ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ

Анакреон под дуломаном,
Поэт, рубака, весельчак!
Ты с лирой, саблей иль стаканом
Равно не попадешь впросак.

Носи любви и Марсу дани!
Со славой крепок твой союз:
В день брани — ты любитель брани!
В день мира — ты любимец муз!

Душа, двойным огнем согрета,
В тебе не может охладеть:
На пламенной груди поэта
Георгия приятно зреть.

Воинским соблазнясь примером,
Когда б Парнас давал кресты,
И Аполлона кавалером
Давно, конечно, был бы ты.
1814

П. Вяземский

К ПАРТИЗАНУ-ПОЭТУ

Давыдов, баловень счастливый
Не той волшебницы слепой,
И благосклонной, и спесивой,
Вертящей мир своей клюкой,
Пред коею народ трусливый
Поник просительной главой, —
Но музы острой и шутливой
И Марса, ярого в боях!
Пусть грудь твоя, противным страх,
Не отливается игриво
В златистых и цветных лучах,
Как радуга на облаках;
Но мне твой ус красноречивый,
Взращенный, завитый в полях
И дымом брани окуренный, —
Повествователь неизменный
Твоих набегов удалых
И ухарских врагам приветов,
Колеблющих дружины их!
Пусть генеральских эполетов
Не вижу на плечах твоих,
От коих часто поневоле
Вздымаются плеча других;

Не все быть могут в равной доле,
И жребий с жребием не схож!
Иной, бесстрашный в ратном поле,
Застенчив при дверях вельмож;
Другой, застенчивый средь боя,
С неколебимостью героя
Вельможей осаждает дверь;
Но не тужи о том теперь!
На барскую ты половину
Ходить с поклоном не любил,
И скромную свою судьбину
Ты благородством золотил;
Врагам был грозен не по чину,
Друзьям ты не по чину мил!
Спеши в объятья их без страха
И, в соприсутствии нам Вакха,
С друзьями здесь возобнови
Союз священный и прекрасный,
Союз и братства и любви,
Судьбе могущей неподвластный!..
Где чаши светлого стекла?
Пускай их ряд, в сей день счастливый,
Уставят грозно и спесиво
Обширность круглого стола!
Сокрытый в них рукой целебной,
Дар благодатный, дар волшебный
Благословенного *Аи*
Кипит, бьет искрами и пеной! —
Так жизнь кипит в младые дни!
Так за столом непринужденно
Родятся искры острых слов,
Друг друга гонят, упреждают

И, загоревшись, угасают.
При шумном смехе остряков!
Ударим радостно и смело
Мы чашу с чашей в звонкий лад!..
Но твой, Давыдов, беглый взгляд
Окинул круг друзей веселый
И, среди нас осиротелый,
Ты к чаше грустно приступил,
И вздох невольный и тяжелый
Поверхность чаши заструил!..
Вздох сердца твоего мне внятен, —
Он скорбной траты тайный глас;
И сей бродящий взгляд понятен —
Он ищет Бурцова средь нас.
О Бурцов! Бурцов! честь гусаров,
По сердцу Вакха человек!
Ты не поморщился вовек
Ни с блеска сабельных ударов,
Свистящих над твоим челом,
Ни с разогретого арака,
Желтеющего за стеклом
При дымном пламени бивака!
От сиротствующих пиров
Ты был оторван смертью жадной!
Так резкий ветр, посол снегов,
Сразившись с лозой виноградной,
Красой и гордостью садов,
Срывает с корнем, повергает
И в ней надежду убивает
Усердных Вакховых сынов!
Не удалось судьбой жестокой
Ударить робко чашу мне

С твоею чашею широкой,
Всегда потопленной в вине!
Я не видал ланит румяных,
И на челе — следов багряных
Побед, одержанных тобой;
Но здесь, за чашей круговой,
Клянусь Давыдовым и Вакхом:
Пойду на холм надгробный твой
С благоговением и страхом,
Водя́ных слез я не пролью,
Но свежим плю́щем холм украшу,
И, опрокинув полну чашу,
Я жажду праха утолю!
И мой резец, в руке дрожащий,
Изобразит от сердца стих:
«Здесь Бурцов, друг пиров младых,
Сном вечности и хмеля спящий.
Любил он в чашах видеть дно,
Врагам казать лицо средь боя, —
Почтите падшего героя
За честь, отчизну и вино!»

1814 или 1815

П. Вяземский

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давыдов! где ты? что ты? сроду
Таких проказ я не видал;
Год канул вслед другому году...
Или, перенимая моду
Певцов конфект и опахал,

И причесав для них в угоду
Жеманной музе мадригал,
Скажу: май два раза природу
Зеленым бархатом постлал,
И разогрел дыханьем воду,
И вечных граций хороводу
Резвиться в рощах заказал, —
С тех пор, как от тебя ни строчки,
Ни двоеточия, ни точки
Хоть нá смех я не получал!
Чем мне почесть твое забвенье?
Теряюсь я в недоуменье:
Иль, как мундирный идеал,
Под ношей тучных эполетов,
Ты вместо речи и ответов
Плечом да шпорой говоришь
И лучшего пера не знаешь,
Как то, которым щеголяешь
И гордо с шляпы шевелишь?
Иль дружба, может быть, в отставке,
Отбитая сестрой своей,
Сидит печально на прилавке
У непризнательных дверей;
И для отсутственных друзей
Помина нет в походной ставке
Непостоянных усачей?
Ты наслаждайся с новой гостью,
Но берегись, чтоб наконец,
Платя за хлеб-соль сердца злостью,
Не захозяйничал жилец.
Иль, может быть, мудрец угрюмый,
На светлое свое чело

Ты, розам радостей назло,
Навел бразды спесивой думы;
Оценщик строгий строгих благ,
Страшась любви и дружбы ныне,
От двух сердечных побродяг
Ты держишь сердце в карантине.
Чем не подшутит хитрый враг?
Уж верить ли моим гаданьям?
Сказав *прости* очарованьям,
Назло пленительных грехов,
И упоительным мечтаньям
Весны, веселий и стихов,
Любви призыву ты не внемлешь,
Но в клире нравственных певцов
Перо Хераскова приемлешь,
И мысленно заране дремлешь
В академических венках!
В твоем камине на кострах
Пылают: красоты угодник —
Роскошный Душеньки певец,
Теоса мудрый греховодник,
И соблазнительный мудрец —
Наставник счастия Гораций;
И окаянного Парни,
Поклонника единых граций,
Которому и ты сродни
(Сказать не в гнев, а мимоходом),
Уж не заставишь в оны дни
Ожить под русским переводом.
Постясь и чувством и умом,
Не знаешь прежних мясоедов,
Ни шумных, дружеских обедов,

Ни тайных ужинов вдвоем,
Где с пóлночи до ранней зори
Веселье бодро спорит с сном.
Теперь живой *memento mori!*[1]
Мороча и себя и нас,
Не опасаяся Мольера,
Играешь ролю лицемера;
Иль, может... Но на этот раз
Моим поклепам и догадкам
И стихотворческим нападкам
Пора мне положить конец.
Лихого Бурцова знакомец,
Тройного хмеля будь питомец —
Вина, и песен, и любви,
Или, мудрец тяжеловесный,
Свой стих веселый протрезви
Водою нравственности пресной, —
До этого мне дела нет:
Рядись, как хочешь, на досуге,
Но мне на голос дай ответ
И, помня о старинном друге,
Ты будь Денисом прежних лет!

1816

П. Вяземский

[1] Помни о смерти! (лат.). — *Ред.*

К ПОРТРЕТУ Д. В. ДАВЫДОВА

Давыдов! наконец твой образ украшает
Смиренну хижину мою,
И сколько разных чувств в душе моей рождает!
То в нем любимца муз и граций узнаю,
Твой *Брачный договор* с улыбкой повторяю
И сладко таю от любви...
То вдруг тебя средь битв жестоких воображаю,
Где сеча, гром, и дым, и груды тел в крови,
Где ты, как молния, разишь врагов надменных,
Как Немезида мстишь, внезапно и везде,
Ужасны бедствия, отчизне нанесенны:
Там Марсом кажешься ты трепетной орде!
Я зрю в огне тебя — невольно содрогаюсь:
Восторг мой юный дух объемлет и мятет...
О, как судьбой твоей завидной я пленяюсь,
Давыдов, воин и поэт!
И в мире и в боях равно ты побеждаешь,
Здесь тихой лирою, там саблей ополчен!
Повсюду лаврами чело свое венчаешь,
Несешь ли злобе казнь, иль сердцу сладкий плен!
Гордися даром сим счастливым
И, общим огражден почтеньем и хвалой,
Всегда будь правды друг, поклонник муз, герой,
Любовь соотчичей и страх врагам кичливым!

1816

С. Нечаев

Д. В. ДАВЫДОВУ

При посылке издания «Для немногих»

Мой друг, усастый воин!
Вот рукопись твоя;
Промедлил, правда, я,
Но, право, я достоин,
Чтоб ты меня простил!
Я так завален был
Бездельными делами,
Что дни вослед за днями
Бежали на рысях;
А я и знать не знаю,
Что делал в этих днях!
Всё кончив, посылаю
Тебе твою тетрадь;
Сердитый лоб разглядь
И выговоров строгих
Не шли ко мне, Денис!
Терпеньем ополчись
Для чтенья рифм убогих
В журнале *Для немногих.*
В нем *много* пустоты;
Но, друг, суди не строго,
Ведь из *немногих* ты,
Таков, каких *немного!*
Спи, ешь и объезжай
Коней четвероногих,
Как хочешь, — только знай,
Что я, друг как *немногих*
Люблю тебя. — Прощай!

1818

В. Жуковский

НАДПИСЬ К ПОРТРЕТУ ДАВЫДОВА

Ужасен меч его отечества врагам —
Ужаснее перо надменным дуракам.

1810-е годы

Федор Толстой

КАТАЙ — ВАЛЯЙ

Партизану-поэту

Какой-то умник наше тело
С повозкой сравнивать любил
И говорил всегда: «В том дело,
Чтобы вожатый добрый был».
Вожатым шалость мне досталась,
Пускай несет из края в край,
Пока повозка не сломалась, —
Катай-валяй!

Когда я приглашен к обеду,
Где с чванством голод за столом,
Или в ученую беседу, —
Пускай везут меня шажком.
Но еду ль в круг, где ум с фафошкой,
Где с дружбой ждет меня токай,
Иль вдохновенье с женской ножкой, —
Катай-валяй!

По нивам, по коврам цветистым
Не тороплюсь в дальнейший путь:
В тени древес, под небом чистым,
Готов беспечно я заснуть!

Спешит от счастья безрассудный!
Меня, о время, не замай;
Но по ухабам жизни трудной —
Катай-валяй!

Издатели сухих изданий,
Творцы, на коих Север спит,
Под вьюком ваших дарований
Пегас как вкопанный стоит.
Но ты, друг музам и Арею,
Пегаса на лету седлай
И к славе, как на батарею, —
Катай-валяй!

Удача! Шалость! Правьте ладно!
Но долго ль будет править вам?
Заимодавец-время жадно
Бежит с расчетом по пятам!
Повозку схватит и с поклажей
Он втащит в мрачный свой сарай.
Друзья! Покамест песня та же:
Катай-валяй!

1810-е годы

П. Вяземский

ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЬ

Веселый шум, пеньё и смехи,
Обмен бутылок и речей:
Так празднует свои потехи
Семья пирующих друзей.

Всё искрится — вино и шутки!
Глаза горят, светлеет лоб,
И взачастую, в промежутки,
За пробкой пробка хлоп да хлоп!

Хор

Подобно, древле, Ганимеду,
Возьмемся дружно, заодно.
И наливай сосед соседу:
Сосед ведь любит пить вино!

Денис! Тебе почет с поклоном,
Первоприсутствующий наш!
Командуй нашим эскадроном
И батареей крупных чаш.
Правь и беседой и попойкой:
В боях наездник на врагов,
Ты партизан не меньше бойкой
В горячей стычке острых слов.
. . . .

1810-е годы

П. Вяземский (?)

ДАВЫДОВУ

Давыдов, витязь и певец
Вина, любви и славы!
Я слышу, что твои совсем
Переменились нравы:

Что ты шампанского не пьешь,
А пьешь простую воду,
И что на розовую цепь
Ты променял свободу,
Что ныне реже скачешь в клоб,
В шумливые беседы,
И скромные в семье своей
Тебе милей обеды.
Не завиваешь ты уса́,
Конь праздный в стойле тужит,
И сабельная полоса
За зеркало не служит.
Вкруг кивера обвился плющ
И всполз на верх султана,
Паук раскинул ткань свою
По сетке доломана.
Вкруг двоеглавого орла
Твоей блестящей ташки,
Влетев в открытое окно,
Порхают часто пташки.
Заглядываю в тайный шкаф:
Он пуст, в печи Буянов,
Гервасияда в камельке,
Один певец Русланов
Тихонько кроется в углу,
Загорожен Бюфоном;
И вместо прежних книг — Руссо
И Кампе с Фенелоном.
И Локка любишь ты читать,
Из моралистов строгих
Выписываешь в свой альбом...
Друг, чудное для многих

Открой мне таинство свое!
Скажи, Шольёв наследник,
Кто обратил тебя на путь?
Кто — славный проповедник
Или писатель-златоуст, —
Кто подал в помощь руку
Закоренелому в грехах
И объяснил науку
Не у прелестниц записных
На ложе сладострастья,
Но в целомудренной любви
Искать прямого счастья?..
Нет, то не мог быть человек
Простой и земнородный, —
Уверен я, хотя бы он
Мудрец был превосходный.
Я слышу: ангел доброты
К тебе с небес спустился
И в виде грации младой
С тобою обручился.
Давыдов, правду говоря,
Тебе бы за проказы
Ветрону должно дать в жены́
И произвесть в Пролазы;
Но ты не глуп, не подл, не крив,
Грехи твои забыты —
И ты стал ща́стливый теперь
Супруг из волокиты.
Любимец ветреных богов,
Которые играли
Тобой средь мира и боев,
Довольно!.. Днесь настали

Блаженства тихого часы,
Венере с Марсом смена,
Из баловня богов сих — ты
Стал баловнем Гимена.

1820

А. Воейков

ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

Певец-гусар, ты пел биваки,
Раздолье ухарских пиров
И грозную потеху драки,
И завитки своих усов;
С веселых струн во дни покоя
Походную сдувая пыль,
Ты славил, лиру перестроя,
Любовь и мирную бутыль.

Я слушаю тебя — и сердцем молодею,
Мне сладок жар твоих речей,
Печальный, снова пламенею
Воспоминаньем прежних дней.

Я всё люблю язык страстей,
Его пленительные звуки
Приятны мне, как глас друзей
Во дни печальные разлуки.

1821

А. Пушкин

Недавно я в часы свободы
Устав наездника читал
И даже ясно понимал
Его искусные довóды;
Узнал я резкие черты
Неподражаемого слога;
Но перевертывал листы
И — признаюсь — роптал на бога.
Я думал: ветреный певец,
Не сотвори себе кумира,
Перебесилась наконец
Твоя проказливая лира,
И, сердцем охладев навек,
Ты, видно, стал в угоду мира
Благоразумный человек!
О горе, молвил я сквозь слезы,
Кто дал Давыдову совет
Оставить лавр, оставить розы?
Как мог унизиться до прозы
Венчанный музою поэт,
Презрев и славу прежних лет,
И Бурцовой души угрозы!
И вдруг растрепанную тень
Я вижу прямо пред собою:
Пьяна, как в самый смерти день,
Столбом усы, виски горою,
Жестокий ментик за спиною
И кивер-чудо набекрень.

1822

А. Пушкин

К ПОРТРЕТУ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

В нем храбрость, ум, талант и чувство благородства
Блистают равными чертами превосходства!

1822

П. Шаликов

ПАРТИЗАН ДАВЫДОВ

Усач. Умом, пером остер он, как француз;
Но саблею французам страшен:
Он не дает врагам топтать несжатых пашен
И, закрутив гусарский ус,
Вот потонул в густых лесах с отрядом —
И след простыл! .. то *невидимкой* он, то *рядом*,
То, вынырнув опять, *следóм* —
Идет за шумными французскими полками
И ловит их, как рыб, — без невода, руками...
Его постель — земля; а лес дремучий — дом;
И часто он с толпой башкир и с казаками,
И с кучей мужиков и конных русских баб,
В мужицком армяке, хотя душой не раб,
Как вихорь, как пожар — на пушки, на обозы,
И в ночь, как домовой, тревожит вражий стан! ..
Но милым он дарит в своих куплетах *розы;*
Давыдов, это ты — поэт и партизан!

1824

Федор Глинка

...Не мне,
Певцу, не знающему славы,
Петь славу храбрых на войне.
Питомец муз, питомец боя,
Тебе, Давыдов, петь ее.
Венком певца, венком героя
Чело украшено твое.
Ты видел финские граниты,
Бесстрашных кровию омыты;
По ним водил ты их строи.
Ударь же в струны позабыты
И вспомни подвиги твои!

1824

Е. Баратынский

Д. В. ДАВЫДОВУ

Пока с восторгом я умею
Внимать рассказу славных дел,
Любовью к чести пламенею
И к песням муз не охладел,
Покуда русский я душою,
Забуду ль о счастливом дне,
Когда приятельской рукою
Пожал Давыдов руку мне!
О ты, который в дым сражений
Полки лихие бурно мчал
И гласом бранных песнопений
Сердца бесстрашных волновал!
Так, так! покуда сердце живо
И трепетать ему не лень,

В воспоминаньи горделиво
Хранить я буду оный день!
Клянусь, Давыдов благородный,
Я в том отчизною свободной,
Твоею лирой боевой,
И в славный год войны народной
В народе славной бородой!

1825

Е. Баратынский

А vous poète, à vous guerrier,
Qui sablant le champagne au bord
de l'Hipocréne,
Avez d'une feuille de chêne
Fait une feuille de laurier.

1825

Arnault de l'Académie[1]

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ

Я вызван из толпы народной
Всезвучным голосом твоим,
Певец-герой! Ты благородным
Почтил вниманием своим
На службе юного солдата;

1 Тебе, певец, тебе, герой,
Кто пьет взахлёст вино на бреге Ипокрены,
Кто превращает в лист священный,
В лист лавра — дуба лист простой.
Арно, академик

О славе мне заговорил,
Призвал меня призывом брата
И лирой свету огласил!
Твоею дружбою, хвалою
Горжуся! Преданной душою
Тебя я чту, пока я жив!
Ты прав, Давыдов, я счастлив!
Счастлив: мне раненую руку
Пожал увенчанный герой
И славой я обязан звуку
Ахилла лиры золотой.

1828

Е. Зайцевский

Разорвало́сь в бутылке дно,
Серебряные брызги, пену
На чёла бросило вино!
Его остатки в чаше бились,
Кружась быстрее кипятка!
Чьи два седых уса крутились
Красой гусарского полка,
Чья сабля не блистала даром —
Не усидел и вскрикнул с жаром:
«Пока нас рок не раскидал,
Друзья, Д<авыдо>ву покал!..»
Он в битвах храброго смелее,
Он молодости веселее
В кругу пирующих гусар!
При нем пил Б<урцо>в,
чтоб врубиться,
С отвагой русской, в янычар,

И в них врубался, чтоб напиться,
Пока в могилу не упал
Пиров гусарских жертвой славной!
Он сердится в могиле дальной,
Зачем не вакховым плющом
Оброс его надгробный холм!
Зачем из полного покала
Ни разу влаги пуншевой
С его могильною росой
Рука гусара не сливала!
Утешим тень его, друзья!
Величиною с кивер кубок
Наполним пуншем по края,
Оденем облаком из трубок;
И встретим луч ночной звезды
Залетным к Б<урцо>ву посланьем,[1]
С приветом дружбы, призываньем
Запить сраженья и беды
Стаканом пунша без воды;
Луч месяца, в окно проникнув,
Звездою в кубок упадет;
Сама, без ветра, и не скрыпнув,
Дверь от порога отойдет;
Отшепчет шорох, тень мелькнет,
Поверхность кубка заструится,
От края пена отделится,
И кто-то молвит нам привет...
То он, гусар минувших лет!
Притек на призыванья наши,
Узнать, всё так ли к краю дно

---

[1] Так Д<авыдо>в называет свои послания.

Не близко у заздравной чаши?
Его любимое вино
Всё ль говорливо, неспокойно,
Гусара и стихов достойно?

1820-е годы

Н. Неведомский

Д. В. ДАВЫДОВУ, ОГЛЯДЯ БОЕВОГО КОНЯ ЕГО

Любуюсь я твоим конем;
Не поступью его игривой,
Не быстрых глаз его огнем
И не волнующейся гривой,
Не потому, что он не раз
Твоей участником был славы
И что на нем прочтен отказ
Грозящей смертью переправы.
Прибавлю: он не тем мне мил,
Что победительные клики
Слыхал, как ляхов ты громил
В *Владимире* и *Лисобики,*
Что попирали *Безобдал*
Его могучие копыты
И что он ржаньем оглашал
Брег Вислы, буйством знаменитый.
Любуюсь я твоим конем,
Когда, сложив доспехи ратны,
Везде ты с нами и на нем
Несешься по степи раскатной
Вслед за матёрым русаком.
О почестях не мысля боле

И чуждый боевых забот,
Когда на нем встречаешь в поле
И ночь и солнечный восход;
Когда на нем из полной фляжки
Пьешь с нами водку наповал,
Когда, враг чванства, друг распашки,
Охотник ты — не генерал.
Когда, забыв всё бремя славы,
Которую с тобой делил,
Он делит отдых твой, забавы...
Любуюсь им, — твой конь мне мил!

1832

Алексей Бестужев

К СТАРОМУ ГУСАРУ

При выходе из печати его стихотворений

Ай да служба! ай да дядя!
Распотешил, старина!
На тебя, гусар мой, глядя,
Сердце вспыхнуло до дна.

Молодые ночи наши
Разгорелись в ярких снах;
Будто пиршеские чаши
Снова сохнут на губах.

Будто мы не устарели —
Вьется локон вновь в кольцо;
Будто дружеской артели —
Все ребята налицо.

Про вино ли, про свой ус ли,
Или прочие грехи
Речь заводишь — словно гусли
Разыграются стихи.

Так и скачут, так и льются,
Крупно, звонко, горячо,
Кровь кипит, ушки смеются,
И задергало плечо.

Подмывает, как волною,
Душу грешника, прости!
Подпоясавшись, с тобою
Гаркнуть, топнуть и пройти.

Черт ли в *тайнах идеала,*
В *романтизме* и в *луне* —
Как усастый запевала
Запоет о старине!

Буйно рвется стих твой пылкий,
Словно пробка в потолок,
Иль *Моэта* из бутылки
Брызжет хладный кипяток!

С одного хмельного духа
Закружится голова,
И мерещится старуха —
Наша сверстница Москва.

Не Москва, что ныне чинно
В шапке, в теплых сапогах,
Убивает дни *невинно*
На *воде* и на *водах,*

Но двенадцатого года
Веселáя голова,
Как сбиралась непогода,
А ей было трын-трава!

Но пятнадцатого года,
В шумных кликах торжества
Свой пожар и блеск похода
Запивавшая Москва!

Весь тот мир, вся эта шайка
Беззаботных молодцов
Ожили, мой ворожайка!
От твоих волшебных слов.

Силой чар и зелий тайных
Ты из старого кремня
Высек несколько случайных
Искр остывшего огня.

Бью челом, спасибо, дядя!
Спой еще когда-нибудь,
Чтобы мне, тебе подладя,
Стариной опять тряхнуть!

1832

П. Вяземский

...Софа, — в углу комод, а над софой
Не ты ль гордишься рамкой золотою,
Не ты ль летишь на ухарском коне,
В косматой бурке, в боевом огне,
Летишь и сыплешь на врагов перуны,
Поэт-наездник, ты, кому и струны
Волшебные и меткий гром войны
Равно любезны и равно даны?

1833

В. Кюхельбекер

Д. В. ДАВЫДОВУ

Давным-давно люблю я страстно
Созданья вольные твои,
Певец лихой и сладкогласный
Меча, фиала и любви!
Могучи, бурно-удалые,
Они мне милы, святы мне, —
Твои, которого Россия
В свои годины роковые
Радушно видит на коне,
В кровавом зареве пожаров,
В дыму и прахе боевом,
Отваге пламенных гусаров
Живым примером и вождем;
И на скрижалях нашей Клии
Твои дела уже блестят:
Ты кровью всех врагов России
Омыл свой доблестный булат!
Прими рукою благосклонной
Мой дерзкий дар: сии стихи —

Души студентски-забубенной
Разнообразные грехи.
Там, в той стране полунемецкой,[1]
Где безмятежные живут
Веселый шум, ученый труд
И чувства груди молодецкой, —
Моя поэзия росла
Самостоятельно и живо,
При звонком говоре стекла,
При песнях младости гулливой;
И возросла она счастливо —
Резва, свободна и смела,
Певица братского веселья,
Друзей, да хмеля и похмелья
Беспечных юношеских дней, —
Не удивляйся же ты в ней
Разливам пенных вдохновений,
Бренчанью резкому стихов,
Хмельному буйству выражений
И незастенчивости слов!

1833

Н. Языков

ДЕНИСУ ВАСИЛЬЕВИЧУ ДАВЫДОВУ

Славы звучной и прекрасной
Два венка ты заслужил!
Знать, Суворов не напрасно
Грудь твою перекрестил;
Не ошибся он в дитяти:

[1] В Дерпте.

Вырос ты и полетел,
Полон всякой благодати,
Под знамена русской рати,
Горд, и радостен, и смел.

Грудь твоя горит звездáми:
Ты геройски дóбыл их
В жарких схватках со врагами,
В ратоборствах роковых.
Воин смлада знаменитый,
Ты еще под шведом был —
И на финские граниты
Твой скакун звучнокопытый
Блеск и топот возносил.

Жизни бурно-величавой
Полюбил ты шум и труд,
Ты ходил с войной кровавой
На Дунай, на Буг и Прут.
Но тогда лишь собиралась
Прямо-русская война:
Велегромная скоплялась
Вдалеке — и к нам примчалась
Разрушительно-грозна!

Чу! труба продребезжала!
Русь! тебе смертельный зов!
Вспомяни ж, как ты встречала
Все нашествия врагов!
Созови из стран далеких
Ты своих богатырей,
Со степей, с долин широких,

С рек великих, с гор высоких,
От осьми твоих морей!

Пламень в небо упирая,
Лют пожар Москвы ревет,
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь? Русь, вперед!
Громче буря истребленья —
Крепче смелый ей отпор!
Это жертвенник спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксов костер!

Где же вы, незваны гости?
Серебристый русский снег
Покрывает ваши кости,
Ваш погибельный побег!
Долго, знать, запировались
Вы в московских теремах!
Как бежали, как сражались —
Так вы пали и остались
На холодных пустырях.

Знайте крепость нашей силы.
Вы зачем сюда пришли?
Иль не стало на могилы
Вам отеческой земли?!
Много в этот год кровавый,
В эту смертную борьбу,
У врагов ты отнял славы,
Ты — боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу!

Удальцов твоих налетом —
Ты их честь, пример и вождь —
По лесам и по болотам,
Днем и ночью, в вихрь и дождь,
Сквозь огни и дым пожара
Мчал с неистовой толпой
Вездесущ как божья кара —
Страх нежданного удара
И нещадный дикий бой.

Лучезарна слава эта!
И конца не будет ей!
Но такие ж многи лета
И поэзии твоей!
Не умрет твой стих могучий,
Достопамятно-живой,
Упоительный, кипучий,
И воинственно-летучий,
И разгульно-удалой.

Ныне ты на лоне мира;
И любовь и тишину
Нам поет златая лира,
Гордо певшая войну;
И как прежде громогласен
Был ее воинский лад —
Так и ныне свеж и ясен,
Так и ныне он прекрасен,
Полный неги и прохлад!

1835

Н. Языков

Д. В. ДАВЫДОВУ

<При посылке «Истории Пугачева»>

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной,
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач — при первом взгляде
Он виден: плут, казак прямой!
В передовом твоем отряде
Урядник был бы он лихой.

1836

А. Пушкин

Д. В. ДАВЫДОВУ

Привет тебе, любовник брани,
Житья разгульного певец,
Крестом Суворовския длани
На славу созданный боец!

Люблю тебя! В пылу сражений
Ты грудь булатную калил,

И в лагерь музу песнопений
Под пестрым ментиком водил.

Я слышал, как на верх Балкана
Летал скакун твой боевой,
Как ледяного великана
Хребет ломился под тобой!..

Кавказ, Кавказ! седой мятежник!
Ты сколько раз под саблей выл,
Когда наш северный наездник
Аулы хищников громил?

А черный год?.. За Русь святую,
С кудрявой, смуглой бородой,
Рубился ты напропалую,
Носился вихрем и бедой.

А помнишь Польшу?.. Праздник славы
Задумал нам в Варшаве дать
Кровавый Марс, — к стенам Варшавы
И ты явился гарцевать!..

Хвала тебе, любовник брани,
Житья разгульного певец,
Кумир застольных восклицаний,
Наш черноусый молодец!

1837

С. Стромилов

Д. В. ДАВЫДОВУ

При посылке ему моих сочинений

Вот тебе, поэт-рубака,
Вот тебе, лихой гусар,
Удалой певец арака,
От меня ничтожный дар!
Не взыщи! — ведь мне с тобою
Мерить силы не дано
И с цевницей боевою
Мне тягаться мудрено.
И к чему жестокой пыткой
Мучить струны без удач?..
Награди ж меня улыбкой,
Парой слов твоих, усач!

1830-е годы

С. Стромилов

...И боец, сын Аполлонов...
Мнил он гроб Багратионов
Проводить в Бородино...
Той награды не дано:
Вмиг Давыдова не стало!
Сколько славных с ним пропало
Боевых преданий нам!
Как в нем друга жаль друзьям!..

1839

В. Жуковский

ОДНИМ МЕНЬШЕ

Наш боец чернокудрявый
С белым локоном на лбу.

Н. Языков

Где ты, наш воин-стихотворец?..
Вдвойне отчизны милый сын,
Ее певец и ратоборец,
Куда ты скрылся? .. Ты один
Не пробужден еще призывом,
Собравшим тысячи полков,
Одним всеобщим войск приливом,
Единодушным их порывом
Не привлечен на пир штыков...
Проснись! .. Все русские дружины
Шлют представителей своих
На бородинские равнины
Свершить поминки битв святых...
Проснись! .. Там все уж *остальные,*
Все однокашники твои,
С кем ты делил труды былые,
С кем ты в торжественные дни
За наши рубежи родные,
За Русь, за веру в бой летал,
Пред кем губительной стрелою
Кровавый путь ты пролагал,
Кого, как молнья пред грозою,
С своей ватагой удалою
Врагам ты смертью предвещал.
Все там! .. Вожди уж с удивленьем
Тебя искали меж собой,

Солдаты наши с нетерпеньем
Давно справлялись: «Где ж лихой?»
И он, хозяин вседержавный,
Кто храбрых царски угощал, —
И он, быть может, вопрошал:
«Где званый гость, где ратник славный?»

И вот на смотр весь стан спешит,
Вот выстрел заревой раздался...
Грохочет пушка, штык блестит...
И поле стонет и дрожит...
Как будто б снова разгорался
На жизнь и смерть Европы бой...
Как будто б год тот роковой
Двунадесятый возвращался.
Но до тебя не достигал
Ни шумный гул, ни зов почетный!..
Твой стих замолк, твой меч упал...
Ты сам, как призрак мимолетный,
Вмиг из среды живых пропал...
Так, без тебя торжествовала
Россия день Бородина...
И, в час молебствия, она,
Когда защитников считала, —
«Еще одним их меньше стало!» —
Сказала, горести полна!..

1839

Е. Ростопчина

К ПОРТРЕТУ Д. В. ДАВЫДОВА

Привет тебе, певец и воин!
Зачем нет лавра на челе,
Когда двойного он достоин?
Поэт почил — герой в земле.
Давно кровавою заслугой
Он эти почести купил,
И, смелый, с бранною подругой
Живую музу подружил!
Недаром яркими крестами
Сияет воинская грудь,
Победоносными звездами
Усеян был героя путь!
Но торжество его в могиле,
Под сенью одного креста;
Теперь несокрушимой силе
Молитва слабого свята!
А на челе его, знакомом
С победой, славой и мечтой,
Слита отвага, бранным громом,
С глубокой сердца чистотой;
Взор этот мог, в пылу сраженья,
Сиять, как бранная заря,
Мгновенным взрывом вдохновенья!...
Но взор погас, чело во прах
Легло, пред господом отчизны,
И горько нам, с слезой в очах,
По ветеране править тризны!

1839

Е. Шахова

ЭПЕРНЕ

Денису Васильевичу Давыдову

1

Икалось ли тебе, Давыдов,
Когда шампанское я пил
Различных вкусов, свойств и видов,
Различных возрастов и сил,

Когда в подвалах у Моэта
Я жадно поминал тебя,
Любя наездника-поэта,
Да и шампанское любя?

Здесь бьет кастальский ключ, питая
Небаснословною струей;
Поэзия — здесь вещь ручная:
Пять франков дай — и пей и пой!

Моэт — вот сочинитель славный!
Он пишет прямо набело́,
И стих его, живой и плавный,
Ложится на́ душу светло.

Живет он славой всенародной;
Поэт доступный, всем с руки,
Он переводится свободно
На все живые языки.

Недаром он стяжал известность, —
И в школу все к нему спешат:
Его текущую словесность
Все поглощают нарасхват.

Поэм в стеклянном переплете
В его архивах миллион.
Гомер! хоть ты в большом почете, —
Чтó твой воспетый Илион?

Когда тревожила нас младость
И жажда ощущений жгла,
Его поэма, наша радость,
Настольной книгой нам была.

Как много мы ночей бессонных,
Забыв все тягости земли,
Ночей прозрачных, благосклонных,
С тобой над нею провели.

Прочтешь поэму — и, бывало,
Давай полдюжину поэм!
Как ни читай, кажись, всё мало...
И зачитаешься совсем.

В тех подземелиях гуляя,
Я думой óжил в старине;
Гляжу: биваком рать родная
Расположилась в Эперне́.

Лихой казак, глазам и слуху,
Предстал мне: песни и гульба!
Пьют эпернейскую сивуху,
Жалея только, что слаба.

Люблю я русского натуру:
В бою он лев; пробьют отбой —
Весельчаку и балагуру
И враг всё тот же брат родной.

Оставя боевую пику,
Казак здесь мирно пировал,
Но за Москву, французам в пику,
Их погреба он осушал.

Вином кипучим с гор французских
Он поминал родимый Дон
И, чтоб не пить из рюмок узких,
Пил прямо из бутылок он.

Да и тебя я тут подметил,
Мой бородинский бородач!
Ты тут друзей давнишних встретил,
И поцелуй твой был горяч.

Дней прошлых свитки развернулись,
Все поэтические сны
В тебе проснулись, встрепенулись
Из-за душевной глубины.

Вот край, где радость льет обильно
Виноточивая лоза:
И из очей твоих умильно
Скатилась пьяная слеза!

1838. Эперне

II

Так из чужбины отдаленной
Мой стих искал тебя, Денис!
А уж тебя ждал неизменный
Не виноград, а кипарис.

На мой привет отчизне милой
Ответом скорбный голос был,
Что свежей братскою могилой
Дополнен ряд моих могил.

Искал я друга в день возврата...
Но грустен был возврата день!
И *собутыльника* и брата
Одну я с грустью обнял тень.

Остыл поэта светлый кубок,
Остыл и партизанский меч,
Средь благовонных чаш и трубок
Уж не кипит живая речь.

С нее не сыплются, как звезды,
Огни и вспышки острых слов,

И речь наездника — наезды
Не совершает на глупцов.

Струей не льется вечно новой
Бивачных повестей рассказ
Про льды Финляндии суровой,
Про огнедышащий Кавказ,

Про год, запечатленный кровью,
Когда, под заревом Кремля,
Пылая местью и любовью,
Восстала русская земля,

Когда, принесши безусловно
Все жертвы на алтарь родной, —
Единодушно, поголовно
Народ пошел на смертный бой.

Под твой рассказ народной были,
Животрепещущий рассказ,
Из гроба тени выходили,
И блеск их ослеплял наш глаз.

Багратион, Ахилл душою,
Кутузов, мудрый Одиссей,
Сеславин, Кульнев — простотою
И доблестью муж древних дней!

Богатыри эпохи сильной,
Эпохи славной, вас уж нет!

И вот сошел во мрак могильный
Ваш сослуживец, ваш поэт!

Смерть сокрушила славы наши,
И смотрим мы с слезой тоски
На опрокинутые чаши,
На упраздненные венки.

Зову, — молчит привет бывалый;
Ищу тебя, — но дом твой пуст;
Не встретит стих мой запоздалый
Улыбки охладевших уст.

Но песнь мою, души преданье
О светлых, безвозвратных днях,
Прими, Денис, как возлиянье
На прах твой, сердцу милый прах!

1854

П. Вязёмский [1]

---

[1] В конце 1838 года автор, посещая Эперне́, вспомнил рассказ Давыдова о том, как в 1814 году он был с партизанским отрядом в Эперне́, где встретил многих друзей, как они прослезились от радости при такой встрече и потом весело пировали. Автор написал там первую часть этого неизданного до сих пор послания к Давыдову, которое и было последним, к нему адресованным. Давыдов вскоре умер, и чувства, возбужденные вестию о его смерти, выражены автором во второй части послания, написанной уже в 1854 году. <Примечание П. А. Вяземского, 1862 г. — *Ред.*>

...С бородою бородинской
Завербованный в певцы,
Ты, наездник, ты, гуляка,
А подчас и Жомини,
Сочетавший песнь бивака
С песнью нежною Парни!

1864

П. Вяземский

ПРИМЕЧАНИЯ

В настоящем издании собраны все стихи Дениса Давыдова, за исключением двух-трех мелочей, написанных «на случай», и нескольких необработанных набросков.

Стихотворения печатаются в окончательных редакциях и расположены в хронологической последовательности — по годам написания. Незначительное отступление от хронологического порядка допущено в двух случаях: во-первых, для не поддающихся точной датировке шести эпиграмм (1805—1814 гг.), выделенных в особую группу, и, во-вторых, для девяти элегий (1814—1817 гг.) — из тех соображений, чтобы не дробить целостный элегический цикл Давыдова. Стихотворения, точные даты которых не установлены, отнесены к десятилетиям. Предположительные даты отмечаются вопросительным знаком. Стихотворения, радикально переработанные Давыдовым в позднейшее время, помечены двумя датами: вторая дата указывает на время переработки.

Предпосланная стихам автобиография Дениса Давыдова печатается в сводной, наиболее полной редакции, с исправлениями по другим источникам текста (рукопись автобиографии не сохранилась).

Стихотворения, посвященные Денису Давыдову, расположены в хронологической последо-

вательности. Второе послание Н. М. Языкова (1835) печатается по автографу, подаренному автором Д. В. Давыдову и сохранившемуся в бумагах последнего.

Объяснение мифологических имен и названий, а также устаревших и малоупотребительных слов вынесено в словари.

НЕКОТОРЫЕ ЧЕРТЫ ИЗ ЖИЗНИ ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА

В первоначальной редакции было написано, вероятно, в 1820 или 1821 г. Впоследствии Давыдов несколько раз дополнял и перерабатывал текст автобиографии и напечатал ее дважды (в 1828 и в 1832 гг.) анонимно как произведение одного из своих «друзей-сослуживцев» (позднее он выдавал за автора автобиографии генерала О. Д. Ольшевского, умершего в 1832 г.). Однако журнальная критика тридцатых годов — по «бойкому воинственному слогу», «живому и пламенному», — легко разгадала мистификацию Давыдова. *Дидерот* — Дени Дидро (1713—1784), французский писатель и философ-материалист *Каховский* Александр Михайлович (ум. 1827) — видный гвардейский офицер. *Кульнев* — см. стр. 256. *Покоритель Индии.* Миф о походе Бахуса в Индию с целью водворить там свой культ получил распространение в связи с завоевательными походами и Александра Македонского. *В. В. Орлов-Денисов, А. С. Фигнер, А. Н. Сеславин* — командиры армейских партизанских отря-

дов в годы Отечественной войны. *Винценгероде* бар. Фердинанд Федорович (1770—1818) — немец по происхождению, генерал русской службы, в 1813 г. командир отдельного кавалерийского отряда. *Блюхер* Гебгарт-Лебрехт (1742—1819) — прусский фельдмаршал, в 1813—1814 гг. командовал соединенной русско-прусской армией. *Ермолов* — см. стр. 261. *Глазунов* Иван Петрович (ум. 1831) — известный книготорговец и издатель начала XIX в., издавал, в частности, книжные каталоги. *Забалканские и варшавские щеголи-победители.* Намек на гр. И. И. Дибича-Забалканского и И. Ф. Паскевича, гр. Эриванского, кн. Варшавского. *Яков Моле́* — гроссмейстер рыцарско-монашеского ордена тамплиеров, в 1313 г. сожженный на костре по обвинению в ереси.

СТИХОТВОРЕНИЯ

Река и Зеркало. Перевод басни французского писателя Луи-Филиппа Сегюра (1753—1830) «Дитя, Зеркало и Река». Давыдов добавил от себя последнее двустишие.

Сон. Сатира Давыдова вызвала шум в обществе. Известен ответ на нее — одноименное стихотворение, написанное гвардейским офицером А. Аргамаковым:

Я лег вчерась в постелю
И видел странный сон:
Мальчишку-пустомелю
Сек розгой Аполлон.

Как бог, он без притворства
Ему так говорил:
Ты дар мой стихотворства
Во зло употребил.

Ты, мальчик, зашалился,
Имеешь медный лоб,
Осмеивать пустился
Почтенных ты особ.

Вступя в знакомство с знатью,
Дал волю языку;
За это вашу братью
Я розгами секу.

Тут мальчик побожился,
Что врать не будет он.
От сна я пробудился, —
Ах, жаль, что это сон!

В сатире упомянуты гвардейские офицеры *С. Н. Марин*, *А. Д. Копьев, И. И. Дибич*. Сергей Никифорович Марин (1775—1813) был сатирическим поэтом, его стихи и эпиграммы имели широкое распространение в рукописи. Александр Дмитриевич Копьев (1767—1846) был литератором-дилетантом; в 1799 г. он перевел с французского небольшой трактат Неккéра «Счастье глупцов». *А. Л. Нарышкин, Н. А. Загряжский, Н. П. Свистунов, гр. И. С. Лаваль* — придворные. *Ликург* — легендарный законодатель древней Спарты. О большом носе генерала *П. И. Багратиона* в обществе ходило множество анекдотов;

один из них, в котором главную роль играет Денис Давыдов, в 1815 г. записал А. С. Пушкин.

Бурцову. Призывание на пунш. *Бурцов* Алексей Петрович (ум. 1813) — сослуживец Давыдова по Белорусскому гусарскому полку; был известен в свое время как «величайший гуляка и самый отчаянный забулдыга из всех гусарских поручиков».

Бурцову («В дымном поле, на биваке...»). *И георгья за совет.* Имеется в виду награждение георгиевским крестом не за отличие в бою, а за участие в военном совете.

Мудрость. Этому стихотворению подражал молодой А. С. Пушкин в лицейских куплетах 1814 г.:

Мы недавно от печали,
Пущин, Пушкин, я, барон,
По бокалу осушали
И Фому прогнали вон...

Анакреонтическая ода — по имени греческого поэта Анакреона (580—495 до н. э.), воспевавшего любовь и пиршества.

Договоры. Вольный перевод элегии французского поэта Вижé (1768—1820) «Мои договоры». *Тайные статьи* — беременность.

Чиж и Роза. Перевод басни французского поэта Жака Делиля (1738—1813) «Роза и Скворец».

«Поведай подвиги усатого героя». Отрывок из большого стихотворения, сообщенный Давыдовым по памяти. *Кульнев* Яков Петрович (1763—1812) — боевой генерал суворовской школы, под начальством которого Давыдов служил во время русско-шведской войны. *Левенгёльм* и *Клингспор* — шведские генералы.

Подражание Горацию. Источник подражания — VIII ода (из второй книги од) римского поэта I века до н. э. Горация. Обращено к известной в свое время светской красавице Аглае Давыдовой (жене двоюродного брата поэта — А. Л. Давыдова).

Графу П. А. Строгонову. *Строгонов* гр. Павел Александрович (1774—1817) — видный военный и государственный деятель Александровского времени. *Мой предок Чингисхан.* Давыдов полагал, что его род ведет начало от древних монгольских владетелей. *Линдор* — тип влюбленного франта и вертопраха, персонаж комедии Бомарше «Севильский цирюльник».

Моя песня. Подражание популярным куплетам французского поэта Жозефа Пэна (1773—1830) «Житье холостяка». *Мой гардероб лежит в ряду* — заложен в лавке ростовщика, в «торговом ряду». *Таврический сад* — в Петербурге.

К портрету NN. Направлено против Федора Петровича Уварова (1769—1824) — человека

весьма недалекого ума, сделавшего, тем не менее, блестящую военную карьеру благодаря «амурным дурачествам» с кн. Е. Н. Лопухиной, матерью влиятельной фаворитки Павла I.

На К., На него же. По некоторым свидетельствам, обе эпиграммы направлены против генерала Августа Бетанкура (1758—1824), человека неопределенной национальности.

Надпись к сочинениям г. ** Перевод анонимной французской эпиграммы на поэта Жозефа Дора́ (1734—1780).

К моей пустыне. *Холмы Аи* — окрестности французского городка Аи (в Шампани), центр производства шампанского знаменитой марки «Аи».

В. А. Жуковскому. Наброски послания, оставшегося незаконченным.

«Гераков! прочитал твое я сочиненье...» Имеется в виду патриотическое сочинение мелкого литератора Гавриила Васильевича *Геракова* (1775—1838) «Твердость духа русских» (1813—1814).

Другу-повесе. Обращено к гр. Федору Ивановичу Толстому (1782—1846), прозванному в обществе «Американцем». Это был человек, известный воинской отвагой, бесшабашным пове-

дением, разного рода приключениями и не очень чистой игрой в карты.

Ответ на вызов написать стихи. Обращено к Елизавете Антоновне Злотницкой (1800—1862), на которой Давыдов собирался жениться. В начале 1817 г. Злотницкая была помолвлена с другим. Ей же посвящены элегии IV, V, VI и VII и стихотворения «Вольный перевод из Парни́» и «Неверной».

Элегия I. Эта и две следующие элегии обращены к московской балерине Татьяне Ивановне Ивановой (Глушковской) (ок. 1795—1855), в которую был влюблен Давыдов. *Боги Пафоса* — Афродита и ее спутницы — грации или хариты. *Бог Фракии* — Арей.

Элегия II. Подражание II элегии (из первой книги элегий) римского поэта Тибулла (I в. до н. э.). Здесь Давыдов имел в виду Московское театральное училище, где «за хладными стенами» «томилась» Т. И. Иванова. «Мучитель» Ивановой, ее «аргус» — актер Украсов, которому был поручен надзор за воспитанницами театрального училища. *Бог-мститель* — Зевс.

Элегия V. Вольный перевод V элегии французского поэта Парни́ (1753—1814).

Элегия VI. Вольный и сокращенный перевод IX элегии Парни́.

Элегия IX. Стихотворение осталось незавершенным.

Вольный перевод из Парни́. Источник перевода — отрывок из третьей песни поэмы Парни́ «Иснель и Аслега».

На монумент Пожарского. Было написано по случаю открытия памятника Минину и Пожарскому (работы Мартоса) на Красной площади в Москве. *Смоленский* — фельдмаршал М. И. Кутузов, князь Смоленский.

Песня старого гусара. *Жомини* бар. Генрих Вениаминович (1779—1869) — швейцарец по происхождению, теоретик военного дела и военно-исторический писатель, состоявший на русской службе. Выражение «Жомини да Жомини, а об водке ни полслова» прочно вошло в обиходную речь, превратилось в популярную поговорку. В. И. Ленин применил это выражение в статье 1913 г. «Кабинет Бриана».

Логика пьяного. Перевод сказочки французского поэта Понс де Вердэна (1749—1844) «Пьяница-философ».

Решительный вечер. Один из автографов стихотворения озаглавлен: «К невесте». Давыдов женился в апреле 1819 г. на С. Н. Чирковой.

«Как будто Диоген с зажженным фонарем...» С именем древнегреческого философа *Диогена* (V в. до н. э.) связан анекдот, что он будто бы «днем с фонарем» искал «настоящего человека». При встрече с человеком действительно высоких нравственных качеств фонарь должен был погаснуть.

Листок. Перевод одноименного стихотворения французского поэта Антуана Винсента Арно́ (1766—1834). Стихи эти были весьма популярны в свое время и приобрели известный политический смысл, поскольку образ сорванного бурей листка ассоциировался с судьбой Арно, в 1816 г. изгнанного Бурбонами из Франции, и вообще — с судьбой политического изгнанника, жертвы произвола и тирании. Узнав о том, что Давыдов перевел его стихотворение, Арно обратился к нему с мадригальным четверостишием (см. стр. 224 наст. издания).

Эпитафия. Была написана еще при жизни некоего кн. А. А. Кольцова-Масальского, прозванного в обществе за худощавость — «князь-мощи».

Партизан. В этом стихотворении Давыдов изобразил самого себя во время «партизанских поисков» в 1812 г. *Нара* — река неподалеку от Москвы, на берегу которой было приостановлено наступление французской армии в 1812 г.

Полу-солдат. *Родимая звезда* — Полярная звезда.

На смерть N N. Заглавие носит маскировочный характер: четверостишие было написано в связи с опалой, наложенной Николаем I на генерала Алексея Петровича Ермолова (1777—1861), в 1827 г. уволенного от командования Отдельным Кавказским корпусом и с должности главноуправляющего в Грузии.

Зайцевскому, поэту-моряку. *Зайцевский* Ефим Петрович (1801—1860) — морской офицер, отличившийся во время русско-турецкой войны 1828 г., при штурме Варны, и мелкий поэт двадцатых годов. Он ответил Давыдову благодарственным посланием (см. стр. 224). *Казарский* Александр Иванович (ум. 1833) — морской офицер, прославившийся смелым подвигом во время русско-турецкой войны 1828 г. *Леонид* — спартанский царь, геройски погибший в неравной битве с персами при Фермопилах (480 г. до н. э.).

Бородинское поле. *Гомерический* — то есть подобный легендарным героям древней Греции, воспетым Гомером. *Раевский* Николай Николаевич (1771—1829) — герой Отечественной войны 1812 года, участник Бородинского сражения. *Ермолов* — см. выше.

С. А. К<ушки>ной. *С. А. Кушкина* — симбирская помещица, ей посвящены также и два

следующих стихотворения. *Пафосский бог* — Афродита.

Душенька. Эпиграф взят из статьи В. А. Жуковского «Рафаэлева Мадонна. Из письма о Дрезденской галерее» (1821).

N N. («Вы хороши! — Каштановой волной. . .»). *Канóва* (1747—1822) — итальянский скульптор, популярный в России. *Крылатый бог* — Эрот или Амур. *Пи́ндар* — древнегреческий поэт-лирик (VI—V вв. до н. э.).

Герою битв, биваков, трактиров и б. . . Третья строфа была сочинена А. С. Пушкиным; Давыдов, по-видимому, слегка ее переделал. *Цыган Илья* — лицо, реально существовавшее, известный в свое время в Москве певец и регент цыганского хора.

Голодный пес. Направлено против фельдмаршала гр. И. И. Дибича (1785—1831), по происхождению немца, неудачно командовавшего русскими войсками в турецкую кампанию 1828—1829 гг. и во время подавления польского восстания в 1831 г. Давыдов, в молодости общавшийся с Дибичем (см. сатиру «Сон»), впоследствии считал его «единственным оскорбителем чести, славы и оружия» русской армии. В этом стихотворении слышится явственный отзвук испанской революционной песни «Трагала, перро!» («Глотай ее, собака!»), получившей широкое распростране-

ние в годы освободительной борьбы в Испании (1820—1823) и, очевидно, известной и в России (см. И. Левина. Гойя. Л.—М., 1958, стр. 266—267). *Херр* (Herr) — по-немецки: господин.

N N. («Вошла — как Психея, томна и стыдлива. . .»). Этим четверостишием открывается лирический цикл 1833—1836 гг., целиком посвященный Евгении Дмитриевне Золотаревой — двадцатитрехлетней дочери пензенского помещика, в которую бурно влюбился стареющий Давыдов. В 1836 г. Е. Д. Золотарева вышла замуж за В. О. Мацнева.

Ей. Подражание мадригалу Вольтера «Портрет мадам Сен-Жюльен».

После разлуки. Подражание «Мадригалу» французского поэта Жана Берто (1552—1611), ошибочно приписанному Давыдовым перу Вольтера.

Вечерний звон. Вариация на тему стихотворения И. И. Козлова (1779—1840) «Вечерний звон» (1828), ставшего популярным романсом. Выделенный курсивом рефрен — стихи Козлова.

«Меринос собакой стал. . .» Эпиграмма направлена против И. В. Сабурова (1784—1837) — пензенского помещика, увлекавшегося разведением тонкорунных баранов-мериносов. Написана эпиграмма была в связи с появлением

пасквильной книжки Сабурова «Четыре роберта жизни. Олицетворенная дума Мурзы Чета» (1835), в которой он «не пощадил пензенских жителей обоего пола». В книжке содержатся обидные намеки и на Давыдова — «партизана-подагрика», увлекшегося молодой девушкой.

Ученый разговор. Эпиграмма направлена против Д. А. Бекетова — пензенского помещика, старинного приятеля и сослуживца Давыдова по кампании 1812 г.

«Нет, кажется, тебе не суждено...» Эпиграмма обращена, очевидно, к А. С. Пушкину и направлена против Фаддея Булгарина, преследовавшего Пушкина пасквилями и доносами. В последнем стихе речь идет о пощечине.

Челобитная. *Башилов* Александр Александрович (1777—1847) состоял директором московской «Комиссии строений» и ведал, между прочим, покупкой домов для казны. Великолепный дом Давыдова до сих пор стоит в Москве на Пречистенке (ныне улица Кропоткина).

Современная песня. *Тьер* Адольф (1797—1877) — французский историк и буржуазный политический деятель, впоследствии ярый реакционер, палач Парижской коммуны 1871 г. *Рабо́ де Сент-Этьен* (1743—1793) — французский историк и политический деятель времени буржуазной революции XVIII века. *Мирабо* Оноре-

Габриэль Риккети (1749—1791) — один из виднейших деятелей и ораторов французской буржуазной революции XVIII века. *Лафает* (Лафайетт) Мари-Жозеф-Поль (1757—1834) — французский генерал и политический деятель, лидер буржуазной оппозиции в эпоху Реставрации. *Брут* и *Фабриций* — древнеримские республиканцы, служившие в литературе образцами гражданской чести и неподкупности. *Филипп Филиппыч* — известный мемуарист Ф. Ф. Вигель (1786—1856), непременный посетитель московских салонов. *Маленький аббатик* — Петр Яковлевич Чаадаев (1793—1856), русский мыслитель, автор «Философических писем»; назван «аббатиком» за симпатии к католицизму.

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

В. Жуковский. «Давыдов, пламенный боец...» Отрывок из стихотворения «Певец во стане русских воинов».

П. Вяземский. К партизану-поэту («Анакреон под дуломаном...») *Анакреон* — см. стр. 255.

П. Вяземский. К партизану-поэту («Давыдов, баловень счастливый...») *Бурцов* — см. стр. 255.

П. Вяземский. Д. В. Давыдову. *Херасков* Михаил Матвеевич (1733—1807) упомянут здесь как олицетворение «высокой» и «нравственной» поэзии. *Душеньки певец* — И. Ф. Богданович (1743—1802), автор поэмы «Душенька», пересказывающей историю Амура и Психеи. *Теоса мудрый греховодник* — древнегреческий лирик Анакреон. *Парни́* — см. стр. 258.

С. Нечаев. К портрету Д. В. Давыдова. *Нечаев* Степан Дмитриевич (1792—1860) — поэт и прозаик; в молодости был членом тайного Союза Благоденствия.

В. Жуковский. Д. В. Давыдову. Давыдов послал В. А. Жуковскому на просмотр рукопись своего сочинения «Опыт теории партизанского действия». *«Для немногих»* — название шести стихотворных сборников, изданных В. А. Жуковским в 1818 г. в ограниченном количестве экземпляров.

Федор Толстой. Надпись к портрету Давыдова. *Федор Толстой* — см. стр. 257.

А. Воейков. Давыдову. *Буянов* — герой фривольной поэмы В. Л. Пушкина (1767—1830) «Опасный сосед» (1811). *«Гервасияда»* — неясно, какое литературное произведение имеется в виду: может быть, сборник анекдотов «Liber facetorium», составленный англо-латинским писателем XIII ве-

ка Гервазием Тильберийским. *Певец Русланов* — А. С. Пушкин (поэма «Руслан и Людмила» вышла в свет как раз в 1820 г.). *Бюффон* Жорж Луи Леклерк (1707—1788) — французский математик и естествоиспытатель. *Кампе* Иоахим-Генрих (1746—1818) — немецкий педагог и писатель для детей, последователь Руссо. *Фенелон* Франсуа де Салиньяк де ла Мот (1651—1715) — французский богослов и писатель. *Локк* Джон (1632—1704) — английский философ. *Шолье* Гильом Амфри (1639—1720) — французский поэт-аббат, писавший на «галантные» темы; Вольтер прозвал его «церковным Анакреоном» *Ветрона* и *Пролаз* — легкомысленные персонажи комедий, сказок и сатирических романов XVIII века.

А. Пушкин. «Недавно я в часы свободы...» *Устав наездника* — книга Давыдова «Опыт теории партизанского действия», изданная в 1821 г.

П. Шаликов. К портрету Дениса Васильевича Давыдова. *Шаликов* кн. Петр Иванович (1768—1852) — поэт и журналист.

Е. Баратынский. «...Не мне...» Отрывок из эпилога поэмы «Эда».

Арно. «A vous poète, à vous guerrier» *Арно* — см. стр. 260. Русский перевод — С. Хмельницкого и Вл. Орлова.

Е. Зайцевский. Денису Васильевичу Давыдову. *Зайцевский* — см. стр. 261.

Н. Неведомский. «Разорвалось в бутылке дно...». Отрывок из поэмы «Энеида». *Неведомский* Николай Васильевич (между 1780 и 1785 — 1853) — бесталанный, но плодовитый поэт; в годы Отечественной войны служил в гусарах и в партизанском отряде А. С. Фигнера; автор многих «гусарских» стихотворений, поэмы «Партизаны», «Истории партизан Пиренейского полуострова» и статьи «Поэзия партизанской войны».

Алексей Бестужев. Д. В. Давыдову. огляди боевого коня его. *Алексей Бестужев* — поэт-дилетант, сосед Давыдова по имению.

П. Вяземский. К старому гусару. *На водах* — на лечебных водах, на курортах.

В. Кюхельбекер. «...Софа, — в углу комод, а над софой...» Отрывок из I главы поэмы «Сирота».

Н. Языков. Денису Васильевичу Давыдову. По свидетельству Н. В. Гоголя, А. С. Пушкин, услыхав эти стихи, прослезился от восторга. *Фениксов костер* — в поэзии символ бессмертия (Феникс — в мифологии священная

птица, которая, чувствуя приближение смерти, сжигала себя и вновь возрождалась из пепла).

А. Пушкин. Д. В. Давыдову <При посылке «Истории Пугачева»>. Первый стих заимствован из посвященного Давыдову мадригала Арно (см. стр. 224) «A vous poète, à vous guerrier. . .»

С. Стромилов. Д. В. Давыдову. *Стромилов* Семен Николаевич — мелкий поэт 1830—1840-х гг., автор известной песни «То не ветер ветку клонит. . .»

В. Жуковский. «. . .И боец, сын Аполлонов. . .» Отрывок из стихотворения «Бородинская годовщина». В 1839 г., по предложению Давыдова, было решено перенести прах кн. П. И. Багратиона на поле Бородинской битвы, где в 1812 г. он был смертельно ранен. Давыдову, как бывшему адъютанту Багратиона, было поручено командовать почетным кавалерийским эскортом, назначенным для сопровождения гроба. Но незадолго до этой церемонии Давыдов скоропостижно скончался.

Е. Ростопчина. Одним меньше. *Ростопчина* гр. Евдокия Петровна (1811—1858) — поэт и прозаик. В 1839 г. на Бородинском поле состоялся военный парад и торжественное открытие монумента в ознаменование 25-летия Бородинской битвы. На торжество съехались пред-

ставители всех частей русской армии и многие участники Отечественной войны. Парадом командовал Николай I.

Е. Шахова. К портрету Д. В. Давыдова. *Шахова* Елизавета Никитична (1822—1899) — поэтесса; с 1845 г. — монахиня.

П. Вяземский. «...С бородою бородинской...» Отрывок из стихотворения «Поминки».

СЛОВАРЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ИМЕН И НАЗВАНИЙ

Аглая (греч.) — одна из харит, спутниц Афродиты.

Амур (римск.) — бог любви, сын Венеры.

Аполлон (греч.) — бог солнечного света и поэтического вдохновения; предводитель муз.

Аргус (греч.) — стоглазый великан, приставленный богиней Гéрой в качестве стража к ее сопернице Ио; в широком значении — бдительный страж, соглядатай.

Арей (греч.) — бог войны.

Афродита (греч.) — богиня любви и красоты.

Борей (греч.) — бог северного ветра.

Вакх (греч.) — бог вина, олицетворение жизненной силы.

Ганимед (греч.) — любимец богов, виночерпий.

Гимен, Гименей (греч.) — бог-покровитель супружеской любви.

Зевс (греч) — верховный бог, громовержец.

Ипокрена (греч.) — источник на Геликоне (см. *Пинд)*, забивший под ударом крылатого коня Пегаса; в переносном значении — источник поэтического вдохновения.

Камены (греч.) — музы, богини-покровительницы искусств и наук.

Кастальский ток (греч.) — источник на горе Парнас; в переносном значении источник поэтического вдохновения.

Клия (Клио) (греч.) — муза истории.

Марс (римск.) — бог войны.

Немезида (греч.) — богиня мщения.

Парнас (греч.) — гора, местопребывание Аполлона и муз.

Пери (иранск.) — ангел; в переносном значении: прекрасная женщина.

Пинд (греч.) — горная цепь в Греции, в которую входили горы Геликон и Парнас, служившие местопребыванием Аполлона и муз.

Прометей (греч.) — титан, похитивший с неба огонь для людей и прикованный за это Зевсом к скале.

Психея (греч.) — олицетворение человеческой души.

Терпсихора (греч.) — муза танцев.

Хариты (греч.) — три спутницы Афродиты, олицетворение юной прелести.

Эрот (греч.) — бог любви, сын Афродиты.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Абшид — отставка.

Аи — марка шампанского.

Акафист — род хвалебного церковного песнопения.

Аренда — форма награждения, применявшаяся в XIX в.

Ареопаг — верховный суд в древних Афинах; в переносном значении — вообще судилище.

Брыжжи — то же, что и жабо: кружевная или кисейная оборка на воротнике мужской сорочки.

Брызги — в языке охотников: первая весенняя ростепель.

Доломан, дуломан — короткий гусарский мундир.

Каданс — ритм в стихе.

Карбонары (карбонарии) — по-итальянски «угольщики», члены тайного политического общества; в начале XIX в. распространялось на вообще революционеров.

Кенкеты — старинные лампы.
Клоб — клуб.
Крепс — карточный термин.
Кресчендо — музыкальный термин, означающий нарастание силы звука.
Куртинец — курд.

Лазарони — по-итальянски нищий, «босяк».
Ланиты — щеки.

Ментик — короткая гусарская накидка с меховой опушкой.
Моэт — марка шампанского.

Перуны — молнии.
Понтировка — карточный термин.
Пороши — охота по свежевыпавшему, рыхлому снегу.

Регистратор — коллежский регистратор, низший гражданский чин по табели о рангах.

Секвана — старинное кельтское название реки Сены, на которой расположен Париж.
Сиглит — синклит.
Сорокопут — птица из отряда воробьиных.

Талия — термин карточной игры.
Ташка — гусарская сумка.
Тороки — ремешки, которыми крепится к седлу поклажа.
Трантель-ва — термин карточной игры.
Турухтан — кулик (отличается драчливостью).

Фафошка — очевидно, от «фофан» (дурак).
Фланкировка — действие кавалерии в рассыпном строю.

Шнапс (нем.) — водка.

Якобинка — здесь: революционерка.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СТИХОТВОРЕНИЙ ДЕНИСА ДАВЫДОВА

Стихотворения Дениса Давыдова. М., 1832.

Единственный прижизненный сборник стихотворений, подготовленный автором.

Сочинения Дениса Васильевича Давыдова. Под редакцией А. О. Круглого. Тт. I—III. СПб., 1893 (часть тиража помечена 1895 г.). Т. I — Стихотворения; тт. II и III — проза.

Денис Давыдов. Полное собрание стихотворений. Под редакцией В. Н. Орлова. «Библиотека поэта», Большая серия, Л., 1933.

В примечаниях приведены варианты и разночтения.

СОДЕРЖАНИЕ[1]

Денис Давыдов. *Вступительная статья Вл. Орлова* 5
Некоторые черты из жизни Дениса Васильевича Давыдова <Автобиография> 49 *252*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Голова и Ноги 65
Река и Зеркало 67 *253*
Сон 69 *253*
Орлица, Турухтан и Тетерев 71
Бурцову. *Призывание на пунш* 76 *255*
Бурцову («В дымном поле, на биваке. . .») 78 *255*
Гусарский пир 80
Мудрость. *Анакреонтическая ода* . . . 82 *255*
Договоры 84 *255*
Чиж и Роза. *Басня* 92 *255*
«Поведай подвиги усатого героя. . .» . . 94 *256*
Подражание Горацию 96 *256*

---

[1] Первая цифра обозначает страницу текста, вторая (курсивом) — страницу примечаний.

Графу П. А. Строгонову. *За чекмень, подаренный им мне во время войны 1810 года в Турции* 98 *256*
Моя песня 99 *256*
В альбом 101
К Е. Ф. С—ну, убеждавшему меня написать ему что-нибудь 102
Эпиграммы:
К портрету Бонапарте 103
К портрету NN 103 *256*
На К. *Bout-rimé* 103 *257*
На него же 104 *257*
Надпись к сочинениям г. ** 104 *257*
Эпиграмма 104
К моей пустыне 105 *257*
В. А. Жуковскому 106 *257*
«Гераков! прочитал твое я сочиненье. . .» 107 *257*
Песня 108
Другу-повесе 110 *257*
Поэтическая женщина 113
Ответ на вызов написать стихи . . . 114 *258*
Элегия I («Возьмите меч — я недостоин брани! . .») 116 *258*
Элегия II («Пусть бога-мстителя могучая рука. . .») 118 *258*
Элегия III («О милый друг, оставь угадывать других. . .») 121
Элегия IV («В ужасах войны кровавой. . .») 123
Элегия V («Всё тихо! и заря багряною стопой. . .») 125 *258*

Элегия VI («О ты, смущенная присутствием моим. . .») 127 *258*
Элегия VII («Нет! полно пробегать с улыбкою любви. . .») 129
Элегия VIII («О, пощади! Зачем волшебство ласк и слов. . .») 131
Элегия IX («Два раза я вам руку жал. . .») 132 *259*
Вольный перевод из Парни 134 *259*
Неверной 135
На монумент Пожарского 136 *259*
Песня старого гусара 137 *259*
Логика пьяного 139 *259*
Решительный вечер 140 *259*
Надпись к портрету князя Петра Ивановича Багратиона 141
«Как будто Диоген, с зажженным фонарем. . .» 142 *260*
Богомолка 143
Листок 144 *260*
Гусар 145
Эпитафия 146 *260*
Вечер в июне 147
Ответ 148
Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года . . 149
Товарищу 1812 года, на пути в армию . 150
Тост на обеде донцов 151
Партизан. *Отрывок* 152 *260*
Полу-солдат 154 *261*
На смерть NN 157 *261*

При виде Москвы, возвращаясь с персидской войны . . . 158
Зайцевскому, поэту-моряку . . . 159 *261*
Бородинское поле. *Элегия* . . . 161 *261*
С. А. К<ушки>ной . . . 162 *261*
Душенька . . . 163 *262*
NN («Вы хороши! — Каштановой волной...») . . . 165 *262*
Герою битв, биваков, трактиров и б... . 166 *262*
Голодный пес . . . 167 *262*
Гусарская исповедь . . . 169
NN («Вошла — как Психея, томна и стыдлива...») . . . 171 *263*
Ей . . . 172 *263*
Вальс. *Ев. Д. З<олотаре>вой* . . . 173
«О, кто, скажи ты мне, кто ты...» . . . 174
Романс («Не пробуждай, не пробуждай...») . . . 175
«Я вас люблю так, как любить вас должно...» . . . 176
На голос русской песни . . . 177
После разлуки . . . 178 *263*
И моя звездочка . . . 179
Речка . . . 180
25 октября . . . 183
Записка, посланная на бале . . . 184
«Что́ пользы мне в твоем совете...» . . . 185
«В былые времена она меня любила...» 186
«Унеслись невозвратимые...» . . . 187
Романс («Жестокий друг, за что мученье?..») . . . 188
«Я помню — глубоко...» . . . 189

Выздоровление 190
Вечерний звон 191 *263*
Эпиграммы:
«Меринос собакой стал...» . . . 193 *263*
Ученый разговор 193 *264*
«Нет, кажется, тебе не суждено...» 194 *264*
Челобитная. *Башилову* 195 *264*
Современная песня 197 *264*

Приложение

СТИХОТВОРЕНИЯ, ПОСВЯЩЕННЫЕ ДЕНИСУ ДАВЫДОВУ

В. Жуковский. «Давыдов, пламенный боец...» 205 *265*
П. Вяземский. К партизану-поэту («Анакреон под дуломаном...») 205 *265*
П. Вяземский. К партизану-поэту («Давыдов, баловень счастливый...») . . 206 *265*
П. Вяземский. Д. В. Давыдову 209 *266*
С. Нечаев. К портрету Д. В. Давыдова . 213 *266*
В. Жуковский. Д. В. Давыдову. При посылке издания «Для немногих» . . . 214 *266*
Ф. Толстой. Надпись к портрету Давыдова 215 *266*
П. Вяземский. Катай-валяй. *Партизану-поэту* 215
П. Вяземский (?). Застольная песнь . . 216
А. Воейков. Давыдову 217 *266*
А. Пушкин. Денису Давыдову 220

А. Пушкин. «Недавно я в часы свободы...» . . . 221 *266*
П. Шаликов. К портрету Дениса Васильевича Давыдова... . . . 222 *267*
Ф. Глинка. Партизан Давыдов . . . 222
Е. Баратынский. «...Не мне...» . . . 223 *267*
Е. Баратынский. Д. В. Давыдову . . . 223
Arnault. «A vous poète, à vous guerrier...» 224 *267*
Е. Зайцевский. Денису Васильевичу Давыдову . . . 224 *268*
Н. Неведомский. «Разорвалось в бутылке дно...» . . . 225 *268*
Алексей Бестужев. Д. В. Давыдову, оглядя боевого коня его... . . . 227 *268*
П. Вяземский. К старому гусару. При выходе из печати его стихотворений . 228 *268*
В. Кюхельбекер. «...Софа, в углу комод, а над софой...» . . . 231 *268*
Н. Языков. Д. В. Давыдову («Давным-давно люблю я страстно...») . . . 231
Н. Языков. Денису Васильевичу Давыдову («Славы звучной и прекрасной...») . . . 232 *268*
А. Пушкин. Д. В. Давыдову <При посылке «Истории Пугачева»> . . . 236 *269*
С. Стромилов. Д. В. Давыдову («Привет тебе, любовник брани...») . . . 236 *269*
С. Стромилов. Д. В. Давыдову. При посылке ему моих сочинений («Вот тебе, поэт-рубака...») . . . 238 *269*
В. Жуковский. «...И боец, сын Аполлонов...» . . . 238 *269*

Е. Растопчина. Одним меньше 239 *269*
Е. Шахова. К портрету Д. В. Давыдова 241 *270*
П. Вяземский. Эперне. Денису Васильевичу Давыдову 242
П. Вяземский. «...С бородою бородинской...» 248 *270*

Примечания 251

Словарь мифологических имен и названий 271
Словарь устаревших и малоупотребительных слов 273
Основные издания стихотворений Дениса Давыдова 276

Давыдов Денис Васильевич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор *К. К. Бухмейер*

Художник *Л. С. Хижинский*
Худож. редактор *А. Ф. Третьякова*
Техн. редактор *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. С. Флейтман*

Сдано в набор 25/II 1959 г. Подписано к печати 15/V 1959 г. Бумага 84×108 1/64. Печ. л. 4 15/32 (7,33). Уч.-изд. л. 8,15. Тираж 50 000 экз. (1 завод 20 000 экз.). Зак. № 234.
Цена 3 р. 50 к.

Ленинградское отделение
издательства «Советский писатель»
Ленинград, Невский пр., 28

Типография № 5 УПП Ленсовнархоза
Ленинград, Красная ул., 1/3